AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 8 1-ci kânun — 1934 — декабрь № 8

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35. Warszawa, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35. Warszawa, Pologne.

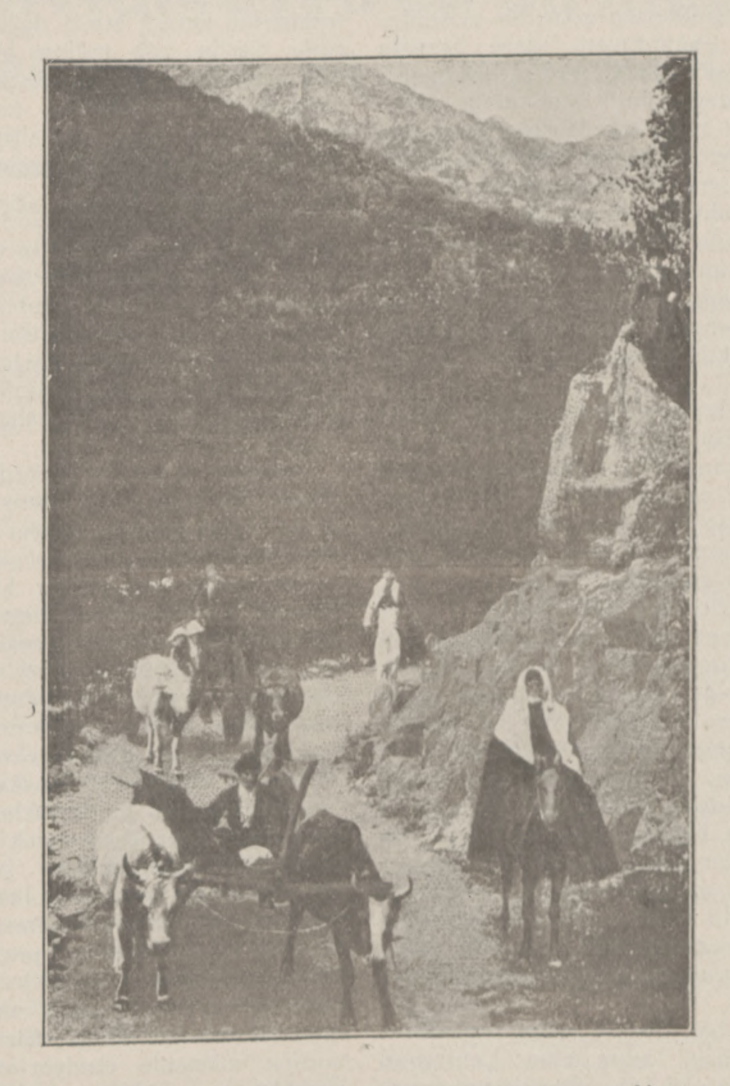
ŞİMALÎ - KAFKASYA

СЕВЕРНЫЙ - КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD — NORTH CAUCASIA

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 8 1-ci KÂNUN — 1934 — ДЕКАБРЬ № 8

Dağlık Karaçay'da bir yol — Дорога в нагорном Карачае

Adige

Leningrad, daki katlin manası

Resmî Sovyet tebligleri bile, en sonra, Kirof'u öldürmek işinin komünist fırkası içerisinde tertib edildığini, yani katli tertib eden Leningrad merkezine dahil olanlardan çogunun, fırkanın aktif azalarından ve azının muhtelif muhalif temayüller neticesinde fırkadan atılmış olanlardan ibaret olduğunu itiraf mecburiyetinde kaldı.

Filen katli yapan Nikolayef birinci kısme, yani fırkada bulunanlar sırasına dahil bulunuyor.

İşaret ettiğimiz bu cihet, Leningradda yapılan katli karakterize eden bir noktadır.

Mes'elenin ehemmiyeti, idare başında olan fırkanın sadık azalarından birinin öldürülmesinde değil, katil işini tertib edenlerin, mektulun fırka arkadaşları oldugunda ve öldürenin de Leningrad fırka teşkilatının ileri gelen azalarından oluşundadır.

Zira, bu muhtelif „temayüller" şeklinde iktidar mevkiinde olan fırkayi içinden yiyen elemanların henüz imha edilmediğini gösteriyor. Aksine, bu elemanlar dinamik bir kuvvet kazanarak fırkanın resmî idaresine karşı, aktif mücadele bayrağı ile çıkıyorlar.

Bu mücadelenin şekli de şayani dikkattır — terror! Bu gösteriyorki, „dahili fırka demokrasisi" zamanları artık temamen ebediyete karışmış ve komünist fırkası dahilindeki çarpışmalar fraksiyon evsafını kaybederek iki barışmaz düşman cephenin mücadelesi haline girmiştir.

Bu cephelerin mahiyeti nedir?

Resmî Sovyet matbuatı Leningrad terroristlerine „Zinovyefçiler" ismini takıyor.

Malûm olduğu üzre bir zamanlar „sol-temayül" denilen gruplardan biri „Zinovyefçiler" adını almıştı. Ayni suretle gene her kesce bellidirki, 1930 de „sol" ile „sag" temayül arasındaki farklar temamen ortadan kalkmış ve başgösteren her türlü muhalif gruplar bir kaide olmak üzre „sag—sol temayül" mümessilleri adını almıştı. Mesela, 1930 de kendini gösteren Sırtsof—Lominadze zümresine 1932—33 deki Riyutin—Eyzmont grupuna hep bu umumî unvan takılmıştı.

Bu suretle biz, Sovyet resmî mehafilince „Zinovyefçiler" adını alan Leningrad merkezinin bügünkü fırka idaresinden memnun olmıyan geniş fırka kütlelerini içerisine alan bir teşkilat olduğunu söylersek hata etmiş olmayız. Bu teşkilatın Sovyetler İttihadının tekmil büyük merkezlerinde şubeleri olduğuna da şüphe edilemez.

Fakat bu suikast işinde nazari dikkati celbeden diger bir cihet de katli tertib edenlerin yaşlarıdır. Bunlardan yaşca en büyügü Mandelştam 38, en küçügü Kotolinov da 25 yaşlarındadır. Digerlerinin yaşları da 30 - 32 iyi aşmıyor.

Şu da şayanı dikkattır ki, terror işinin en hararetli taraftar ve perestişkârı, grupun en küçük azası Kotolinovdur. Şunu da ilave edelim ki, resmî tahkıkattan anlaşıldıgına göre, katlin „manevî mes'ulleri" sayılan Zinovyef ve Kamenyef, sui kasd teşkilatına iştirak etmiş değillerdir. Bu suretle, katlin çok mühim bir ciheti ortaya çıkıyorki, o da şudur: katil, fırkanın genc mümessilleri tarafından tertib edilmiş ve Sovyet rejiminin şeraiti altında büyüyerek o suretle terbiye almış Kotolinof'un şahsında kendini göstermiştir.

Bu cihetin ehemmiyeti büyüktür. Bu gösteriyorki, idare başında olan fırka saflarında, rus muhitine has „babalar" le „çocuklar", diger tabirle eskilerin yerini tutmağa can atan genc nesille eski nesil arasındaki ihtilaf kendini göstermiştir.

Kirof'un ve kurşuna dizilenlerin kanı bu ihtilâfı—hiç şüphesiz—daha da derinleştirecektir.

Nihayet, katil ile alakadar diger şayani dikkat bir cihet de, katil haberini alır almaz, Moskva idare erkânı ve muhiti içerisinde kendini gösteren şiddetli panikdir.

Bu panik ve endişe kendisini yalnız, Moskva mümessilinin Cenevrede beynelmilel kürsüden her türlü terroru „telin" ettiği bir sırada bilâmuhakeme yapılan kütlevî idamlarda değil, Moskva'nın, katli müteakib almış olduğu şiddetli ve fevkalade tedbirlerle dahi göstermekte gecikmedi.

Ecnebi gazeteleri Moskva muhabirlerinin gazetelerine gönderdikleri malumatlarda bu panik ve endişe çok sarahatle kaydedilmişti. Muhabirlerin yozdıgına göre, katilden epeyi müddet sonra dahi Moskva sokakları bir harb cephesini andırıyordu. O.G.P.U. ve Moskva proleter divizyonu (Sovyet „muhafiz alayı") hisseleri büyük caddelerin tekmil giriş ve çıkış yerlerini işgal ederek kimsenin şehir merkezine girmesine müsaade etmiyorlardı, Zırhli otomobiller ve tanklar caddelerde dolaşıyor, tekmil hükûmet müesseseleri milis ve askerî kuvvetlerin şiddetle muhafazası altında bulunuyordu. Nihayet, Stalin ve Varoşilofu katil mahelli olan Leningrada götüren hususi katar, askerlerin şiddetli mu-

hafazasından başka bütün yol müddetince askerî tayyarelerin de muhafazası altında bulunuyordu.

Bu söz götürmez vakaları kaydederken şuna da işaret etmek mecburiyetindeyiz ki, başka hiç bir devlet de bundan daha büyük ve mühim vakalarde dahi bu derece şiddetli ve fevkalade ihtiyat tedbirlerine müracaat edilmiş değildir. Bu cihet, Leningrad katlinin asil manasını ve iç yüzünü daha fazla tasrih ediyor.

Katil vakasından dogan panik, bize bir daha gösteriyor ki, komünist fırkasını içinden parçalayn kuvvetler Avrupadaki bir takım sovyet dostlarının tahmin ettikleri şekilde pek az ve zayif değillerdir.

Sovyet erkânı artık pek açık olarak biri birini imha etmek yoluna girmişler ve Stalinin düşmanları, ilk nazarda zanedildiği gibi zayif değillerdir.

Şimalî Kafkasya'da dil mes'elesi
Проблема языка на Северном Кавказе

Dil mes'elesi hakkında 1928 de Dağıstanda neler söylenmişti?

(A. T. Beyin „Müşterek devlet dili kakkında" başlıklı makalesi münasebetile)

(Son)

ç.—Dağıstan komünist fırkası komitesile Dağıstan Kom. fırk. kontrol komisyonu plenumunun kararı.

Korkmazofun maruzası üzerine plenum tarafından kabul olunan kararname, başlangıç ve instruksyon olmak üzre, iki parçaya ayrılmaktadır.

Birinci parça hususî bir ehemmiyeti haiz değildir. İkinci kısmın esbabi mucibesini teşkil eden bu parçada, plenumdan evvel ve plenumda Korkmazof ve taraftarlarının söyledikleri tekrarlanmıştır. Ona göre bu kısma tokunmıyacağız.

Buna mukabil, ikinci kısım başından sonuna kadar mühimdir. İki aylık münakaşanın neticesi olan bu kısım, Dağıstanın içtimaî — siyasî hayatının başlıca sahası olan devlet teşkilatile mekteblerde, dil mes'elesini tanzim eden muayyen normayı ihtiva eder. Ayni zamanda bu kısım, esas hatlarını göstermekle, alfabe mes'elesini dahi halletmektedir. Ona göre bu kısmı heyeti umumiyesile öğrenmeğe olan lüzum meydandadır.

Kararnamenin bu ikinci kısmında 20 madde vardır. Bunlardan 7-si apparat diline (devlet, fırka v. s. apparatlar), 5 i mekteb diline, 6-sı alfabeye, 2-si de yeni dil siyaseti münasebetile maarif komiserliğinde yapılması lâzım gelen islahate tahsis edilmiştir. Kararnameyi aynile aşağıya alıyoruz:

I. — Apparat dili hakkında.

1 — Heyeti umumiyelerile yerleşmiş ve köy iktisadiyatile meşğul, ve, eski kabile kültürü üzerinde yekvücut birer kabile halinde birleşmiş olan dağıstan milletieri kendi dillerinde sosyalist kültürüne sevkedilmelidirler.*)

2 — Fakat, bu dillerin çogusu daha tetkik edilmemiş olduğu ve hiç birinin yazıya mâlik bulunmadığı nazara alınırsa bu islahatın hemen ve aynile hayata geçirilmesi büyük enğellere rastlıyacaktır. Ona göre bu islahatın avar, dargın, lak, kumuk, türk, lezgi ve tat gibi en çok hazır diller için münasib olduğu kabul edilsin.**) Öteki dillere gelince, bu islahatın kabili tatbik olub olmadığı her dil için ayrı-ayrı tetkik edilsin.

3 — Buna binaen bütün aşağı (aul, köy ve kasaba), fırka, sovyet, professionel, kooperativ, medenî — maarif v. s. müesseselerin işleri halkın ana dilinde icra edil, melidir. Aşağı müesseseler vilayet ve merkez teşkilatlarile muhaberelerini de bu dilde yapacaklardır.

4 — Vilayet müessese ve teşkilatları köylerle olan muhaberelerini ve kendi işle-

*) Seyrekleştirme her yerde bizimdir. Bu kararname „Kızıl Dağıstan" gazetesinin 28-2-1928 tarihli sayısında çıkmıştır.

**) Dağıstandaki şiveler bunlarla zaten bitiyor. „Öteki diller" ayni şivelerin lehçelerinden başka bir şey değildir. Onları hazır addetmiyen Korkmazof ve taraftarları bununla sovyetlerin Şimalî Kafkasyada parçalama siyasetine mani olmak istemişlerdir.

rini, mecburî olarak ana dilinde icra ederler.

5 — Bütün vatandaşların devlet müesseselerine kendi ana dilinde müracaat etmek ve ayni dilde cevab almak hakkını muhafaza etmekle beraber, vilayetin bütün devlet müessese ve teşkilatları merkezle olan muhaberelerini ve kendi işlerini rus dilinde devam ettirmelidirler.

6 — Bununla beraber, bütün dağıstan milletlerinin tarihen iktisadî bir vahdet teşkil ettikleri ve Kabileler arası münasebatında türk dili gibi kendisini göstermiş bir dile mâlik oldukları malum olduğu için, bütün merkezî fırka, sovyet, professionel, kooperativ v. s. müessese ve teşkilat memurlarının, merkezî müesseselerin dili olan rusca ile beraber, geniş halk kitlesini daha eyi tatmin etmek için, muayen müddet zarfında türk dilini, dağıstandaki şivelerden biri halinde, öğrenmelerini lüzumlu addetmelidir.

Fakat, türk ve rus dilini bilmemek, Dağıstan köylu ve amelesinden her hangi bir adamın devlet müsseselerinde ileri verilmesine mania teşkil edemez.

7 — Yeni rejimde fâtih bir milletin dili mahiyetini itirmiş olan ve ayni zamanda cihan proletaryatının en medenî ve en inkılabçı kısmının dili olan rus dili, merkezî müesseselerin, federal teşkilatlarile ve bütün kardeş milletlerle olan münasebat dili olarak kalıyor.

II. — Mektep dili.

8 — Yukarıdaki esaslara riayeten, Dağıstan maarif komiserligine tâbi bütün ilk mekteblerde, bütün tedrisat müddetince, okutma anadilinde olmalıdır.

Kayit: Ana dilinin tatbikında müşkülat vukua geldiği zaman, her defa mes'ele maarif komiserliği tarafından halledilecektir. Fakat her hangi bir karar alınırken çocukların ebeveyinile anlaşmak şarttır.

9 — İlk mekteblerde türk ve rus dilini bir ders olarak okutmalıdır. Maarif komiserliği bu dillerin tedrisini öyle şekle sokmalıdır, ki ilk mektebleri ikmal edenler rusca veya türkce olan daha yukarı dereceli mektebe müşkülatsız girmek imkânında bulunsunlar.

Kayit: Bu karar Kızlar ve Açıkulakın rus nahiylerindeki ilk mekteblere ait değildir.

10 — İlk mekteblerin üstünde olan tahsil (2-nci dereceli mektebler, professionel ve teknik mektebler ve kurslar) tedrisatını ya rusca, ya türkce, vayahut, mümkün olduğu kadar, ana dillerinden birinde icra etmelidir; fakat, maarif komiserinin kararile nahiye ve kazanın ihtiyacları ve ehalinin istekleri nazara alınmalıdır. Böyle ki: mekteb türk dilinde ise, rus dili, dil disipline ait bütün kavaidile, mecburî bir ders olarak okutulmalıdır, ve aksine, eğer mektep ana dilinde ise her iki dil tedris edilmelidir.

Kayit: 1 — İlk mekteblerle daha yukarı derecedeki mektebler arasında dil cihetinden bir kolaylık yaratmak maksadile yukarı dereceli mektebler yanında hazırlık grupları teşkil etmelidir.

2 — Muallim yetiştirmek ve hazırlamak işinde maarif komiserliği, hem ana dilinde, hem de rusca ve türkce okuta bilceek yerli milletlerden muallim hazırlamağa çalışmalıdır.

11 — Bütün medenî, maarif, kitlevî ve propaganda faaliyeti (klublarda, kıraathane ve derneklerde) ana dilinde icra edilmelidir.

12 — Sevadsızlığın lagvi, gerek mahallerde, gerekse merkezde, halkın kendi dilinde icra edilmelidir.

III. — Alfabe hakkında.

Bütün Sovyetler komünist fırkasının Dağıstan komitesi plenumu Dağıstan komitesi burosunun yeni dağıstan alfabesi yaratmak hakkındaki tetkikat ve teşebbüsünü takdir eder.

Ayni zamanda plenum aşağıki esasların kaydına dahi lüzum görmektedir:

13 — Dağıstan komitesinin Yeni Dağıstan alfabesi şubesi:

a) Avar, darğın, lak veilh... dağlı dillerinde mevcut fazla sesler için proje tanzim edib tastik için takdim etmelidir ve bu projeyi yaparken lâtın alfabesini esas olarak almalıdır.

b) Yeni alfabede mürettib, matbuat işçileri, sevatsızlığı lagveden memurlar v. s. hazırlamak için kurslar açmalıdır.

c) Teşkil olunacak bütün kurslarda, meselâ, muallim kursları v. s. de, yeni alfabeyi öğretmelidir.

ç) Alfabenin fonetikasını, yeni tedris yılına hurufat, gramer, alfabe kitabi, kıraat kitabi v. s. ihzar etmelidir.

14 — Dağıstan millî matbuatının yavaş—yavaş yeni dağıstan alfabesine (lâtın) geçmesini temin etmelidir. Bunun için alfabenin kendisini muntazam surette gazetelerde neşretmek, ayrı—ayrı yazırlar ve başlıklar tabetmek, yeni dağıstan alfabesi komitesi yanında ayrıca bir buçak yaratmak ve başka bu gibi tedbirler almak lâzımdır.

15 — B. S. K. fırkası Dağıstan komitesinin propaganda şubesi yeni alfabeyi umumileştirmek için yollar ve şekiller tertib etmelidir.

16 — Dağıstan Sosyalist Sovyet Cumhuriyetinin bütün fırka ve komsomol (genc komünistler) teşkilatı, yeni alfabeyi öğrenmeğe icbar edilmelidir. Ona göre fırka ve komsomol teşkilatına amelî direktivler vermelidlr.

17 — Yeni Dağıstan alfabesini hayate geçirmek için geniş Dağıstan kitlesini celbetmek ve bu mes'ele etrafında bir efkâri umumiye yaratmak maksadile, gönöllü Yeni Dağıstan Alfabesi komitesinin yaratılmasını lüzumlu görmek.

18 — Sevatsızlığı lagvetmek sahasında faaliyetin yavaş—yavaş yeni türk alfabesine geçmesi için tedbirler almalıdır.

IV — Maarif komiserliği teşkilatının islahı hakkında.

19 — Maarif komiserliğinin işi geniş ve karışık bir şekil alacağını nazara alarak bu teşkilata ahalinin dilini ve adatini bilen fırka emekçileri bağlamalıdır.*)

20 — Ayni zamanda plenum, B. S. K. fırkasının Dağıstan komitesi bürosuna teklif eder, ki: bu mes'elelerin hakkındaki kararların ve islhat tedbirlerinin kat'î surette ve tahir edilmeden hayata geçirilmesi için lâzım gelen malî vesait mes'elelesini de sureti mahsusada müzakere etsin.

İşte, 1928 ncı yıl kararnamesinin maddelerinde ifade olunan fikir bunlardır. Bu kararnamenin çok mülayim bir tonda tanzim edilmiş olduğu şüphesizdir. Satırlar arasında okuna bilecek şeyleri atarsak, demek olur, ki burada rus dilinin aleyhdarlarından ziyade taraftarlarının fikri galib gelmiştir. Doğrudanda rus dili her yerde türk dilile beraber alınmıştır; yerli dillere gelince, malumdur, ki dağıstan russifikatorları türk diline karşı savaşlarında bu dillerin mukadderatile maskelenirlerdi, işte bu yerli diller kararnamede müstesna bir mevki işğal etmiştir.

Bütün bunlara ragmen bu karar merkezde tasvib edilmedi ve neticede yeniden bakılmasına ihtiyac hasıl oldu.

Moskvanın bu kararına sebeb türk dilinin Dağıstandan temamile çıkarılmamış olması idi. Türk dilinin yayılıb nihayet kabileler arası dili vaz'iyetine gelmesi için sovyet elfazperdazlığı arkasında, geniş imkân burakımıştı.

*) Bu karar Şımalî Kafkasyadaki maarif teşkilatının yabancı unsurlarla ne kadar bozulmuş olduğunu isbat eder.

Bu kararın yeniden gözden geçirilmesi 1930 de vaki oldu. Bu da Dağıstan komünistleri arasında esaslı bir „temizliğe“ sebebiyet verdi. Bu temizliğin kurbanları da Korkmazof kendisi, Samurski ve bir çok az tanınmış komünistler oldu. B. S. K. fırkası Dağıstan komitesi ayni yılda geçen kararı muahaza eden ve esas itibarile türk dili aleyhine çevrilmiş olan yeni bir karar kabul ederek Dağıstanı yeni dillere parçalamak siyasetini resmen tastik eyledi.

1930-ncı yılın kararnamesi*)

Bu rezolusyon, sovyet millî siyasetinin iç yüzünü göstermektedir. Soveyet millî siyasetinin hangi hedefe doğru inkişaf ettiğini Rusyanın bugünkü diktatoru Stalin komünist fırkasının 16 ncı kongresinde, şu suretle anlatmıştı:

„Bütün millî kültürlere açılmak ve yükselmek imkânını vermek lâzimdır. Bütün bu kültürleri müşterek bir dil etrafında ve müşterek bir kültür halinde birleştirmek için bu millî kültürlerin bütün varlıklarını göstermeleri lâzımdır.“

„Müşterek bir kültür „denilen şeyin bugünkü rus „proletar“ kültürü olduğuna ve „müşterek dilin de, proletar oktobrinin dili“—ruscadan ibaret bulunduğuna şek ve şüphe yoktur.

„Millî kültürlerin açılması (inkişafi)“ ise S. S. S. R. deki civar millî kültürlerin doğranması ve bu sayede zaif düşmeleri ve netiçede „müşterek“ rus kültürü tarafından yutulmaları demektir. 1930 ncı yılda kabul olunan kararnamenin esasını işte bu reçete teşkil eder. Bu kararnameye göre Dağıstan kültür bakımından parçalanmalı ve ruslar tarafından asimile edilmeğe hazırlanmalıdır.

Yeni direktivler veren bu kararnamenin konkret kısmile tanış olmadan evvelki kararların aleyhine vaz'olunan motifleri öğrenmek faydasız değildir. Yeni kararnamenin hemen yarısı bu motiflere tahsis edilmiştir.

Meselâ: 1923 ncı yılın kararnamesi şu şekilde karakterize edilmektedir:

„Dağıstan fırka teşkilatı dil hakkında ilk kararını 1923 de ittihaz etmişti. O zaman aulların yoksul kısmında sınıf şuuru lazımınca inkişaf etmemış ve aullardaki sınıf savaşı eski kabileçilik hayatının (camaat, tuhum, aile, şariat v. s.) perdesi arkasında gizleniyordu. Bu devirde aul kolçomaklarının üst tabakasile milliyetçi burjua mü-

*) Bu kararname „Kızıl Dağıstan“ gazetesi nin 2-8-1930 tarihli sayısında çıkmıştır.

nevverleri, (ki maarif*) başta olmak üzre devlet müesselerine ve fırka teşkilatına sokulmuşlardı) rusya proletaryatının yol başçılığıle idare olunan sosyalizm inkılâbı ile mücadelerinde var güclerile türkleştirme ve panislamizm siyaseti yürütmekte idiler. Ana dillerini ihmal ve türk dilini Dağıstan için vahit devlet dili olarak kabul eden 1923 ncı yılın kararnamesi, objektiv suretle bu sovyet aleyhdarı tesirinin ifadesi olub 10 nci fırka kongresi kararını bozuyor ve dağıstan teşkilatını, millî dil mes'elesinde, pantürkizme sürükliyordu." (Aslinde dahi işaret edilmiştir — A.)

1928 kararnamesi ise şu surette karakterize edilmektedir:

— „1928 kararnamesi ana dillerinin rolunu bir kadar artırmış ise de fırka yolbaşçılığındaki (oku: Korkmazof, Sumurski ve başkaları — A.) opportunist unsurların tazyıkı altında meydana perdeli pantürkizm şeklinde bir kompromis gelmiştir. Ilk mekteblerde ikinci yıldan itibaren türk dilinin tedrisi, bâzi milletler için türk dilinde yukarı derecede mektebler açılması ve mevcutlarının korunması tasavvurlari, türk dilinin kabileler arası dili olduğuna karar verilmesi, merkezî müessese emekçilerinin türkce öğrenmeye icbar edilmeleri — bütün bunlar Dağıstani türkleştirmek istiyen antiparti siyasetin yeni bir şekilde devamıdır.

Bu suretle, 1928 kararı, dil mes'elesinde 1923 de yapılmış yanlışlığı bir dereceye kadar islah etmekle beraber gene dil mes'elesi hakkındaki fırka siyasetinden mahsus nisbette uzaklaşma demektir."

Nihayet, „Dağıstanda dil mes'elesi hakkındaki fırka siyasetinin bozulmasına dair" verilen umumî hulâsa dahi dikkate deger.

Yeni kararnamede deniliyor, ki:

— „Dağıstanda dil mes'elesinin halli esnasında, fırkanın bu mes'ele hakkındaki siyasetile hiç bir münasebeti olmıyan aşağıki hatalar burakılmıştır:

a) Pantürkizm. — Dağıstan fırka teşkilatının kararlarında sistematik bir şekilde kendisini gösteren pantürkizm hali hazırda bile bir çok fırka işçileri tarafından daha maskeli bir şekilde kendisini göstermektedir.

b) Velikorus şovenizmi. — Ana dillerinin rol ve ehemmiyetini açık inkâr eden ve medeniyete kavuşmak için yeğâne vasıta olarak rus dilini ileri süren velikorus şovenizmi mekteblerin, siyasî maarif müesseselerinin, devlet teşkilatının, hatta halkla olan irtibatın rus dilinde olmasını açık olarak müdafaa etmektedir.*)

c) Yerli şovenizm. Dağıstan komünist fırkasının 1928 plenumunda kendisini, bir çok yoldaşların çıkışlarile açık hissettirmiştir. Bu şovenizm Dağıstan milletlerinin dilleri arasında kumuk dili için müstesna bir mevki taleb etmiştir.

Bütün bu eğintiler (temayüller) fırkanın dil mes'elesi hakkındaki doğru hattından uzaklaşan bir eginti olub haddi zatında burjua ve ufak burjua unsurların sınfî menfaatlerini ifade eder, buna karşı bütün fırka teşkilatı amansız surette mücadele edib kat'î şekilde ifşaatta bulunmalıdırlar."

Ve sonra —

— „Pantürkizm temayülü ile olan mücadele büyük dikkate değer. Çünkü bu temayülün Dağıstanda çok kuvvetli ve derin ictimaî bir kökü vardır. Bu temayül, yıllardan beridir Dağıstan komünist teşkilatını dil mes'elesini halletmek işinde yanlış yola çekiyor ve ana dillerinin inkişafına en büyük engel olarak kalmakta devam ediyor."

Ve daha sonra:

— Fırkanın ana dillerinin inkişafına dair olan siyasetini unutarak, bir çok sözlerin benzeyişini esas alan pantürkistler kumuk ve karanoğay dillerini türk dilinin birer şivesi gibi göstermeğe çalışıyorlar. Bu iddealerin saçma olduğu meydandadır."

Aynile rezolyusonda olduğu gibi: „Bu iddealerin saçma olduğu meydandadır." Bu rezolyusonu yazanlar „Tercuman" sahibi İsmail Bey Gasprinskinin Şimalî Kafkasyada dahi malum tecrübesini kat'iyen nazara almamışlardır. İsmail Bey, yalnız „bir çok sözlerin benzeyişlerini" değil, bütün türk şivelerinin sıkı irtibatlerini işde isbat etti.

Kararanamenin umumiyet itibarile „tenkidî kısmı budur.

Gelecek hakkında gösterişler besliyen konkret kısmı şu esasları ihtiva etmektedir:**)

— „1931—1932 oku yılından gec olmamak şartile ilk mektebleri temamile

*) 1928 nci yılın kararında bunun tam aksi söylenmektedir — yâni: maarif teşkilatındaki yerli unsurların kâfi derecede olmadığı kaydedilmiştir.

*) Burada sovyet mubalagası mahsus derecededir. Biliyoruz, ki münakaşalarda rus dili taraftarları bu dilin ehemmiyetini kaydetmekle beraber yerli dillerin de rolunu unutmamış, göstermişlerdi.

**) Ehemmiyetsiz bâzi teferruatı burakarak aynile naklediyoruz.

artık teşekkül etmiş ana dillerine geçirmelidir (kumuk, avar, lak, dargın, türk, lezği, tat, nogay, çeçen dillerine).

...İlk mekteblerin ikinci yılından itibaren, her Dağıstan milletinin halk tabakasının kendi arzularile, iktisadî vaz'iyetlerine göre ve sosyalist kültürünü daha kolay benimsemek bakımından, rus ve türk dillerinden birinin tedrisini mecburî kılmalıdır...

.. Buynak ve Derbent pedagoji teknikumlarının yeniden teşkiline hemen başlamalıdır, onları rus dili ile ana dillerini öğretebilecek muallimler hazırlıyacak şekilde kurmalıdır...

...Dağıstan haricinde yüksek pedogoji kadrosu hazırlamağa bakmakla beraber, ana dilinde ve rus dilinde olan yukarı dereceli mektebler için muallim hazirliyacak pedagoji enstitülerinin teşkiline ehemmiyet vermelidir.

...Talebeye etraflı malumat temin etmek ve Sovyetler Birliğinin sosyalizm kuruluşu tecrübelerini benimsemelerini kolaylaştırmak, ayni zamanda, orta mekteblerin şimdilik rusca olarak devam edeceklerini nazara alarak, ilk mekteblerin ikinci yılından itibaren rus dilinin tedrisine şuru ederek bu dilin tedrisini kuvvetlendirmelidir...*)

...Maarif komiserliği, millî mekteblerde rus dilinin tedrisini eyileştirmek için amelî tedbirler almalıdır ve bu maksatla mektebleri lâzım gelen program, kitab, vesait ve muallim cihetten temin etmelidir, dağıstanda mevcut olmıyan muallim kadrosunu Dağıstan haricinden davet etmelidir..

Bütün medeni-maarif işlerini, köylerde, şehir, fabrika ve imalathanelerde olan sevatsızlığı lagvetmek faaliyetini hemen ana dillerine geçırmelidir...

...İhtilâl hareketlerinin, millî kültür ve maişetin öğrenilmesini güclendirmeli, ayni zamanda gerek hayatta, gerekse yeni doğan millî edebiyatta mevcut irticai şiddetle tenkide tâbi tutmalıdır.**) Dağıstan kültür enstitüsüne, Dağıstan şeraitinde din aleyhindeki propagandaya ilmî bir esas vaz'etmek vazifesi verilsin.

Hükûmetin gerek aşağı, gerekse nahiye müessese ve teşkilatları tehirsiz ve tamamile ana dillerine geçirilsin. Köy ve nahiye müesseseleri merkezle olan muhaberelerini rus dilinde ve ana dillerinde devam ettiriyorlar..."

Kararnamede bundan sonra „tabasaran dili" için alfabe hazırlanacağı, „rutul, agul, didoy v. s." için de alfabe hazırlamak tasavvur olunduğu kaydolunmaktadır. Umumiyetle Dağıstanın daha 19(!) „yerli milleti" için alfabe hazırlanacaktır.

Kararname sonunda diyor, ki:

— „Zikrolunan tedbirleri kat'î surette hayata geçirmeden sosyalizm kuruluşunda rastlayacağımız ve hali hazırda karşı-karşıya bulunduğumuz engellerin bertaraf edilmesinden bahsedilemez.

Ana dillerinin inkişafi uğrunda kat'î mücadele olmadan kültür inkılâbının yüksek sür'atından bahsedemeyiz.

Sınıf düşmanının ideolojisini ifade eden ve bunda şahsen alakadar bulunan teşkilatın en geri unsurlarile kat'î ve amansız savaş yürütmeden, sınıfsızlaşmış (?) olan millî münevverlerin içinden çıkıb Velikorus büyük devletçi şovenizmini temsil edenlerle ve bu ideolojile amansızca çarpışmadan, pantürkizmin muhtelif çeşit ve renklerile şiddetli vuruşmadan — emekçi kitlesinin sosyalizm kuruluşuna doğrudan da celbedilmiş olduğunu ağzımıza alamayız.

Bütün bu zorlukları yenmek ve kaydettiğimiz tedbirleri hayata geçirmek için fırka teşkilatile sovyet efkâri umumiyesini seferber hale getirmelidir."

1930 ncı yılda kabul olunan kararnamenin, hulûsaten, mezmunu budur. Yukarıda kaydettiğimiz gibi, bu kararnamenin, doğurduğu neticelerden biri, Korkmazof başta olmak üzre, maruf yerli komünistlerin Dağıstandan kovulmaları oldu.

Korkmazof şimdide Moskvada oturmaktadır ve Dağıstanın mukadderatına hiç bir nüfuzu yoktur.

* * *

Tetkik ettiğimiz bu münakaşalerin praktik neticeleri nedir?

Bizce netice şu esasları ihtiva etmektedir:

Münakaşa ve alelumum Dağıstanda dil etrafında ceryan eden mücadele her şeyden evvel isbat etti, ki Dağıstan rus asimilasyonuna tâbi olmak istemiyor ve bu teşebbüslere karşı var kuvvetile mukavemet göstermektedir.

*) Okuyucu yukarıda, ana dilinden başka diğer iki dilden birinin intihabi halkin kendi arzusuna burakılmış olduğunu görmüştür. Orada koyulan şart, hangi dilin seçileceğini evvelceden tayin etmekte idi. Bu parçada ise ruscadan başka ayrı bir dil seçilmiyeceği açık söylenmektedir.

**) Bununla millî san'atta millî olan her şey inkâr edilmiş oluyor.

Bu mücadelenin can damarını rus diline karşı olan savaş teşkil eder, çünkü hükûmet nazarında rus dili, asimilasyon ve denasyonalize faaliyetine yarar en kuvvetli bir silah telakki olunuyor, bu dil mekteb ve devlet teşkilatı vasıtasile halk içerisinde yaydırılmaktadır. Bu suretle rus diline karşı olan mücadele, kurtuluş uğrundaki mücadelemizin en mühim ve esaslı merhalesi olarak kalmakta devam ediyor.

Münakaşa bir de Şimalî Kafkasya „pantürkizminin" mevcudiyet ve mahiyetini meydana koydu. Münakaşalardan anlaşıldı, ki türk diline olan meyil Şimalî Kafkasyada türkofillik simpatisinden ileri gelmiyor, bunun sebebi tarihin çok tabiî ve objektif hakikatlerile Şimalî—Kafkasya milleti içerisinde türkce konuşan kabilelerin mevcudiyetidir.

Türk dilini müdafaa edenlerden kimse (1—2 kişi müstesna) bu dili, Şimalî—Kafkasya kabilelerini asimile edecek bir silah gibi telakki etmemiştir, siyasî asimilasyon ise akla bile gelmemiştir. Bu dil—yalnız çok dilli bir millet için anlaşma vasıtası gibi alınmıştır, öyle teknik bir vasıta, ki kendi müstakil devletimizi kurmamız için çok elzemdir. Bu dilin öğrenmesindeki kolaylık (bilhassa onun yerli kumuk şivesini) ve türk memleketlerile komşuluk gibi amiller bu dile olan temayülü takviye etmektedir.

Münakaşada kendini gösteren bir ciheti dahi kaydetmeliyiz: türk dili aleyhinde olanlar veyahut bu dile olan meyli perdeli „pantürkizm" gibi tasvir edenler hemen umumiyetlerile ya Şimalî Kafkasyaya büsbütün yabancı unsurlardır (Mineyef gibi rus komünistleri), ya ruslara satılmış unsurlardır veyahut Şimalî Kafkasyada milliyet mes'elesinin mahiyetini anlamıyanlardır, yâni Şimalî Kafkasyanın vahit bir millet haline gelmesi lüzumunu derketmemiş olanlardır.

Türk dilini Dağıstanda filen devlet dili yapan 1923 kararnamesi, Dağıstanda moskva nüfuzu en zaif olduğu, binaenaleyh, halk dil hakkında serbest fikir beyan ede bildiği zaman, kabul edilmişti.

1928 de ise vaz'iyet başka idi—Moskvanın nüfuzu mahsus derecede artmıştı. Bu vaz'iyet içerisinde bile, bir çoklarının mukadderatlerini meydana koyan uzun çarpışmadan sonra, gene türk dili pozisyonunu muhafaza ede bilmiş ve rus aleyhinde birleştirici amil olarak kalmıştır.

Nihayet 1930 de, Moskva bütün „milliyetçi temayüllere" karşı amansız mücadeleye geçerek türk dilini Dağıstandan tamamile çıkarmağa, her yerde onun yerine rus dilini koymağa karar veriyor. Doğrudanda 1930 ncı yılın kararında türk diline Dağıstanda yer burakılmamıştır.

Yalnız, türkceye karşı savaşı gösteren bu tarihleri ve faktları kaydetmekle biz, türk dilinin millî inkişafımız için ehemmiyetini göre biliriz. Türk dili birleştirici bir amil olmasaydı, eger türk dili rus asimilasyon nüfuzunun girmesine bir mania teşkil etmeseydi, Moskva ona karşı mücadele yürütmezdi. Türk dili onun için tehlikeli olmazdı.

Fakat, türk dili, (her hangi şivesi halinde olursa olsun) 1928 münakaşalerinde ekserisi zikrolunan bir çok objektif sebeblerle, millî birliğimizin ve millî tesanüdümüzün başlıca amillerinden birini teşkil eder.

Bu dile karşı yürütülen mücadele, mahiyeti itibarile, millî birligimize ve millî istiklâlimize karşı yürütülen bir mücadeledir, çünkü istiklâl, her şeyden evvel, milleti terkib eden uzuvların mânen ve maddeten tam bir vahdet yaratmaları neticesinde tahakkuk ede bilir.

Dağıstanda, bilhassa 1928 de, dil mes'elesi etrafında ceryan eden mücadeleden aldığımız esas ders, işte bu hakikatin idrak edilmesidir.

Arslan.

Mikâil Halil Paşanın

A. T. BEYIN MAKALESINE CEVABI*)

A. T. Beyin temas ettiği mes'eleyi ben aşağıki şekilde tasavvur ediyorum:

I — Alfabe hakkında

Bütün Şimalî Kafkasya dilleri için müşterek alfabe olmak üzre Türkiyenin latın esasına kurulan büğünkü alfabesini çok münasib görüyorum. Bu alfabenin tatbik edilmesi neticesinde Türkiyede okur — yazarların sayısı çok artmıştır.

Bu alfabede bizim diller için bâzi sesleri muayyen etmek lâzımdır. Bunun

---

*) Mikâil Halil Paşa hazretleri gönderdiği bu cevabına aşağıki mektubu ilave etmişlerdir:

„Gerçi „K.D." mecmuasının 50 nci sayısını Hazıranın başlarında almış ve daha o zaman A.T. beye cevab yazmak istemiştim, fakat sayğılı muharririn fikrine iştirak ederek beklemeği tercih ettim. Muharrir beyefendi makalelerinin sonunda demişlerdi, ki: herkesten evvel genclerimizin reylerini bilmek isterdik, çünkü müşterek devledili mes'elesini doğrudan doğruya onlar halledecektir.

Çok sevdiğim milletimin içtimaî ve siyasî hayatında aktif surette iştirak etmek zamanını getçirmiş bir ihtiyar olmam hasebile, müşterek dev-

için de bütün dillerimizde mevcut olan bu seslere göre ilave harflar yaratmalıdır. İlave harflara muhtac olan sesler, meselâ: boğazdan gelen seslerdir. Bu boğaz sesleri için arab alfabesinde „gözlu—hey", „cim—hey" ve sadece „x-kh" gibi harflar vardır. Malum olduğu üzre, bügünkü türk alfabesinde bu seslere mukabil yalnız tek bir „H, h" harfı vardır, ki bunun doğru olduğunu hiç te zannetmiyorum.

Ona göre kendi alfabemizde boğaz harfları için üç harfın ilavesini lüzumlu adderim:

a — „H, h" harfını, „Allah", „Harun", „Hindustan" veyahut avarcadaki „hobul" (kısım); „hudul" „(arkadaş) sözlerindeki „h" için.

b — „ђ" harfini „Hasan", „Huseyn" „Hamdi" veilh... sözlerindeki „h" sesi için.

c — Mürekkeb „Kh" harfini de meselâ: „Halil", „Hurş" v. s. adlardaki „h" sesine mukabil olarak almalıdır.

Bunlardan başka biz, „Eldar", „El-Mirza" ve ilh... adlardaki „E" sesi için ruscadaki „Э" harfını da almalıyız.

Dillerimizde öyle sesler de vardır, ki onlar için hususî işaretli harflar yaratmak lâzım gelecektir.

II — Abat beyin tezi üzerine müşterek dil hakkında

a — Müşterek dil olarak türkcenin (Türkiye türkcesinin) veya ruscanın kabulu münasib değildir.

Türkiye türkcesi, ona göre, ki bu dil hali hazırda, külliyetli mıktarda olan arab, fars ve fransız söz ve tabirerinden temizlenmek ve işlenmek devresi geçirmektedir.

Rus dili yaramaz, çünkü bu vasıta ile biz rusların gelecekte istiklâlimize karşı suikastlarını teshil edecek sebebden kurtulmuş oluruz.

b — Bütün Şimalî Kafkasya için yerli dillerden müşterek bir dil olarak seçile bilecek ancak Kumuk dili kalıyor. Dağıstan ahalisinin dörtte üç kısmı, bütün Balkarya, Karaçay, Kabardanın bir kısmı ve Kızlar-Mozdok nahiyesi bu dilde konuşmaktadır.

Fakat, bu dil edebî cihetten az işlenmiş olduğu için, onu Azerbaycanda bulunduğu şekilde almamız lâzımdır. Ve ona kumukca, Azerbaycanca değil, Kafkasya türk — tatar dili adını vermek icab eder.

Ne biz, ne çocuklarımız, ne de torunlarımız bize „tatar" denilmesinden artık korkmamalıdır. Çünkü, müstakil hayat yaşayacak olan Kafkasya milletleri, bundan sonra—İnşallah — rus tarihini, tatarlara ve tatarlığa sun'î ve sistematik bir surette kin telkın eden İlovayskinin eserlerinden okumıyacaklardır.

Ben hiç bir zaman, kurganlarla ve arkeoloji hafriyatlarile Şimalî — Kafkasya halkının kelt, frenk, roman, grek, cermen v. s. gibi avrupa milletlerile bir nesilden olduklarını isbata çalışan yurttaşlarıma taraftar olmadım.

Bence Şimalî Kafkasyanın yerli ahalisi aslen türktür veyahut tatardır.

Kumuk, balkar, karaçay gibi bâzi kabileler dillerini koruya bilmiş, avar, lak, çeçen, osetin, abhaz—adige gibi bir çokları ise asıl dillerini unutarak onun yerine şimdiki dilleri almışlardır.

Evet, müşterek devlet dili olarak kafkasya—türk—tatar dilini benimsiyelim ve bu dili mekteblerimizin hepsinde öğrenelim, ayni zamanda ilk mekteblerde yerli dilleride öğretelim.

Kafkasya cumhuriyetlerile münasebatta, konfederasyon hükûmetinin müşterek konfederasyon dili tesbit etmesine kadar, muvakkaten ruscadan da istifade ede biririz.

Mikâil Halil.

---

let dili mes'elesinde ihtiyarlarla hesablaşmadan serbest olarak genclerin reylerini söylemelerine imkân vermek için daima cevab yazmak fikrimi tehir ettim.

Hali hazırda, ihtiyarların bir engelliklerini görmeden genclerin reylerini şöylemeleri için epeyce zaman geçmiş olduğunu nazara alarak, dil mes'elesinde malik olduğum bâzi malumat ve teçrübelere dayanarak, Şimalî Kafkasyada dil mes'elesi hakkında fikirlerimi bildirmeğe karar verdim ve bu maksatla da bu cevabı yazdım."

İhtiyar âdatistin tam kafkazca olan bu jesti münasebetile şunu demek mecburiyetindeyiz, ki: Mikâil Halil Paşanın, kendi milletine olan hizmetinin yıllar neticesinde elde edilen tecrübesinden doğan fikirleri, millî varlığımızın esas mes'elelerini müzakere ederken, Şimalî — Kafkasya gencligi için hiç bir zaman bir „engellik" yaratamaz. Yaşlılığın tecrübelerile hikmet mahiyetini almış fikirler Şimalî Kafkasyada her zaman layik olduğu hürmetle karşılanmış ve, biz eminiz, ki, bundan sonra da böyle olacaktır. İdare.

Elmas Yıldırım

BENiM TÜRKÜM

Aşıkım, cismim eger buzlu cehennemde yana
Taşımaz korkulu dağlar bu tükenmez yasımı
Ger melekler vereler cenneti alâyi bana
Söylerim: „İstemem ol cenneti, ver Kafkasımı"!..

*

Kafkasın aşkı bütün zer dolu dünyaya deger
Deseler: yurdu unut al „Yeni dünyayi" eger
Soylerim: aşkımı ver, hakkımı ver, yurdmu ver!
Dinlesin hep bütün âlem bu bogulmuş sesimi!

Şamil Kala
1930

Адыге

Значение выстрела в Ленинграде

Даже официальные советские сообщения должны были в конце концов признать, что убийство Кирова было организовано внутри коммунистической партии, что т. н. Ленинградский центр, фактический инспиратор и организатор убийства, в большинстве состоял из активных членов партии и в меньшинстве из лиц, исключенных из партии за различные уклоны. К первой категории принадлежал и Николаев—физический убийца.

Указанное обстоятельство является наиболее характерным для убийства в Ленинграде.

Суть дела не в том, что убит виднейший член правящей партии. Суть эта в том, что организаторами убийства были сопартийцы убитого, что сам физический убийцы был видным членом Ленинградской партийной организации.

Ибо, это значит, что ферменты, раз'едающие — в виде различных „уклонов"— правящую партию изнутри, отнюдь не ликвидированы. Наоборот, они приобретают динамическую силу, подносят знамя активной борьбы с официальным руководством партии.

Знаменательна и форма этой борьбы— т е р р о р! Она свидетельствует о том, что времена „внутрипартийной демократии" окончательно канули в вечность, что трения внутри коммунистической партии потеряли фракционный характер и превратились в борьбу двух смертельно враждебных себе сторон.

Каково же соотношение этих сторон, каковы размеры их влияния в партии?

Официальная советская пресса называет ленинградских террористов „зиновьевцами." Как известно, „зиновьевцами" называлась одна из групп т. н. левого уклона. Но известно также, что уже в 1930 г. различия между „левым" и „правым" уклоном почти совершенно исчезли и все последующие оппозиционные группировки назывались, как правило, выразителями „право-левацких уклонов." Таковыми были, например, блок Сырцова — Ломинадзе в 1930 г. и группа Рютина — Эйсмонта в 1932—1933 г.г.

Таким образом, мы не особенно ошибемся если скажем, что Ленинградский центр, называемый советскими официальными кругами „зиновьевским", представлял из себя организацию широких партийных кругов, недовольных сегоднешним курсом партийного руководства. Корни этой организации, несомненно, находились во всех крупных центрах СССР.

Но наиболее интересным является возраст организаторов покушения. Наистарший из них—Мандельштам имел 38 лет, самый младший—Котолынов—25 лет. Возраст же остальных не превышал 30 — 32 лет. Знаменательно и то, что наиболее горячим поклонником террористических актов был самый младший член группы — Котолынов. К этому следует добавить, что, как установило официальное следствие, „моральные виновники убийства"— Зиновьев и Каменев—не принимали никакого участия в организации покушения.

Таким образом, выяснилось и второе, чрезвычайно важное, обстоятельство убийства: оно было организовано представителями партийного молодняка, а в лице Котолынова той „сменой", которая полностью выросла и возмужала в условиях советского режима.

Значимость этого обстоятельства — огромна. Оно выявляет нам, что и в рядах правящей партии возник извечный на русской почве спор между „отцами" и „детьми", между старшим поколением и поколением молодым, стремящимся занять место первого.

Кровь Кирова и кровь расстрелянных убийц спор этот, несомненно, еще более обострит.

Наконец, знаменательно еще одно обстоятельство, сопутствовавшее убийству. Это—небывалая паника, охватившая правительственные сферы в Москве, когда до них дошла весть об убийстве.

Она выявилась не только в массовых бессудных расстрелах, жертвой которых стали десятки незинных людей в различных городах СССР—расстрелах, производимых в тот момент, когда представитель Москвы с высоты международной трибуны в Женеве торжественно „осуждал" всякого рода террористические акты. Наличие этой паники, наиболее ощутимой в самой Москве, выявилось прежде всего и в тех чрезвычайных мерах, которые предприняты были здесь правительством вслед за убийством.

В сообщениях московских корреспондентов заграничных газет эти меры почти всюду были отмечаемы. Улицы Москвы, писали они, в продолжении нескольких дней после убийства напоминали военный ла-

герь. Части ОГПУ и Московской пролетарской дивизии (советской „гвардии“) занимали все входы и выходы главных улиц, никого не пропуская в центр города. По улицам раз'езжали бронированные автомобили и танки; все правительственные учреждения были охраняемы усиленными нарядами милиции и войск. Наконец, специальный поезд, которым Сталин и Ворошилов выехали в Ленинград, к месту убийства, сопровождался не только военной охраной в самом поезде, но и эскадрильей военных аэропланов, которая сопутствовала поезд и на обратном пути.

Отмечая эти бесспорные факты, мы должны сказать, что ни в каком другом государстве, даже события гораздо больших размеров, никогда ни вызывали столь чрезвычайных мер предосторожности.

Факт этот еще более подчеркивает внутренний смысл ленинградского убийства.

Паника, вызванная убийством, лишний раз нам говорит, что силы, разлагающие коммунистическую партию изнутри, отнюдь не так малочислены и слабы, как это пытаются представить друзья большевизма в Европе.

Советские верхи открыто стали на путь взаимного уничтожения, и процесс этот невозможно ни локализировать, ни, тем более, ликвидировать, ибо слишком глубоко сидят антисталиновские тенденции среди партийных масс.

Адиль Бек Кулатти

Михаил Грушевский—историк Украинского народа

Газеты принесли печальную весть о смерти выдающегося украинского историка Михаила Грушевского. Скончался он 25 ноября т. г. в гор. Нарцана (Кисловодске) на Северном Кавказе, куда попал, тяжело больной, незадолго перед смертью. Кавказ покойный считал своею „другою батькивщиной“; особенно любил он гор. Нарцана, где бывал неоднократно и дожил свои последние дни.

На основе даже тех неполных сведений о последних годах М. Грушевского, которые проникали в Европу, можно сделать абсолютно верное заключение, что вина в его смерти лежит всецело на советском правительстве, поставившем маститого ученого в невиносимо тяжелые материальные и моральные условия.

Михаил Грушевский, как известно, был эмигрантом, но в 1924 г. он вернулся на Украину, т. к. для него жизнь и работа вдали от украинской земли и первичных исторических материалов была невозможна. Первое время советские сатрапы позволили ему жить в Киеве и продолжать работы по истории Украины. В этот период ему удалось организовать Украинскую Академию Наук и заложить мощный фундамент для дальнейшего развития научной мысли на Украине. Но его независимость и научный об'ективизм не могли удовлетворить красную Москву, для которой Украина и украинский народ, в числе иных „окраинных“ земель и народов, являются прежде всего об'ектом колониальной эксплоатации и грабежа. В результате, он был отозван из Киева и водворен на постоянное жительство в Москву, где благодаря тяжелым условиям жизни тяжко занемог и уже умирающий был отпущен на Кавказ.

Так покончила Москва с неудобным ей великим украинским ученым и патриотом, и ни у кого из тех, кто столько кричит в последнее время о культуре и гуманности, не нашлось ни одного слова протеста...

М. Грушевский родился 26 сентября 1866 г. в семье инспектора духовной академии в Хелме. По окончании среднего образования, он поступил в Киевский университет, на историко-филологический факультет, где был одним из лучших учеников известного профессора Антоновича.

В 1894 г. он уже сам был назначен профессором всеобщей истории (со специальностью по истории Восточной Европы) в польском университете во Львове. Уход его в Галицию был вызван невозможностью предаться об'ективной научной работе в условиях царского режима.

Спустя 4 года, он издал первый том своей монументальной „Истории Украины—Руси“, которая составила основной труд его научной деятельности. Всего было им издано 9 капитальных томов, но к сожалению, ими он не исчерпал грандиозной задачи, которую себе поставил.

Было бы ошибочно думать, что М. Грушевский был только ученым в узком смысле этого слова. Прежде всего, он был большой патриот, крупный общественник и опытный организатор, а затем талантли-

вый публицист и народный трибун. Кроме этого, многие в Грушевском видят пророка освобождения украинского народа.

М. Шульгин утверждает, что никто в такой мере не имеет права на титул основателя Украинской Народной Республики, как М. Грушевский, который выдвинул государственную идею Украины, приложил все усилия и создал все возможное, чтобы осуществить об'явление государственной суверенности, а затем и национальной независимости Украинского государства.

В пределах журнальной статьи не представляется возможным охватить даже схематически огромный диапазон его деятельности. Но все же мы не можем не отметить, что М. Грушевскому, на ряду с великим Тарасом Шевченко, принадлежит основная заслуга в том, что украинский народ осознал себя **украинской нацией**.

И не удивительно поэтому, что во всех местах украинского рассеяния состоялись траурные собрания, посвященные памяти покойного, и вся свободная украинская печать, без различия направлений, отметила тяжесть постигшей Украину потери.

Это горе народа, судьба которого неразрывно связана с судьбой иных угнетаемых Россией народов, является и нашим горем. И пусть смерть великого украинского патриота и ученого, испустившего свой последний вздох на нашей, кавказской, земле — станет символической и еще более об'единит народы в борьбе против общего врага—Москвы.

Б. Билатти

Основы федеративного государства

Разбирая в одном из прошлых номеров Пакт Кавказской Конфедерации, мы отметили его огромное идеологическое и практическое значение и высказали мысль, что конфедеративное об'единение независимого Кавказа должно стать переходным этапом к еще более тесному единению—федеративному.

Высказываясь в пользу федерации, мы исходили из целого ряда соображений, которые диктуют такое, а не иное, разрешение будущего устройства Союзного кавказского государства.

Желая быть последовательным, мы хотим в настоящем развить высказанные положения, подкрепить их аргументами теоретического, можно сказать, научного характера.

Итак, основным признаком федеративного государства является то, что в нем наряду с законодательными, исполнительными и судебными органами составных частей имеются и законодательные, исполнительные и отчасти судебные органы центральной власти — т. е. в федеративном государстве, в отличие от конфедеративного, составные элементы суверенной государственности представлены во всей полноте в общесоюзном масштабе. При этом компетенции общесоюзных и местных органов строго разграничены и предусмотрены не только федеральной, но и местными конституциями.

На примерах целого ряда государств, практика показывает что благодаря своей необычайной гибкости, позволяющей ей легко применяться ко всем многочисленным и сложным требованиям современной жизни, федерация является прочной политической системой, которая в условиях многонациональных государств приобретает исключительную ценность, нивелируя и уничтожая возникающие противоречия и тем предохраняя эти государства от упадка.

Федеративная форма, согласуя в таких государствах местные интересы с требованиями общегосударственного порядка, способствует ликвидации локальных антагонизмов и создает этим путем для союзного государства сильные конструктивные основы, которые позволяют ему отстаивать во вне с надлежащим авторитетом общие интересы.

Это положение не могло не повлиять и на научную мысль, которая обратила на изучение основ федерации серьезнейшее внимание. Многие теоретики государственного и международного права стали считать федерацию одной из высших и современнейших форм сожительства народов, ибо, говорят они, федерация, совмещая в себе одновременно положительные элементы, характерные как для больших, так и для малых государств, является наиболее удобной формой государственно-правового устройства.

Это научное мнение находит свое подтверждение и в практической жизни федеративных, государств (конечно, не ква-

зи-федеративных, как напр., СССР), где малые государства, выступая во вне как одно монолитное и нередко большое целое, внутри сохраняют свою независимость и живут жизнью малых государств со всеми вытекающими из этого положительными явлениями.

В федерации совершенно безболезненно уживаются единство с разнородностью, централизм с партикуляризмом, интересы целого с интересами составных элементов — одним словом, не нарушается гармония между разнородными государственными организмами.

Внешнее единство нисколько не вредит национальным особенностям отдельных частей, так как не лишает их государственной индивидуальности, нужной им для свободного развития. В федеративном государстве составные части взаимно друг друга дополняют, обогащают, совершенствуют и усиливают. Федерирующиеся элементы, составляя более крупную политическую единицу, обладают соответственно этому и более богатыми экономическими рессурсами и создают лучшие условия для своего развития и безопасного существования.

В законодательстве союзного государства гораздо меньше шаблонов и в этом большее его преимущество. Центральный и краевые парламенты, пользующиеся, в зависимости от существующих между отдельными частями существенных различий (этнографических, культурных и т. д.), теми или иными преррогативами, координируют и направляют творческие силы составных частей, легко стирая партикулярные антагонизмы.

Чрезвычайно важен и тот момент, что федеративное устройство вполне отвечает современному понятию о государственном суверенитете.

Старая формулировка этого понятия, установленная еще в XVI веке ученым Jan'ом Bodinus'ом в интересам западно-европейских монархов и для научного обоснования их централистических и одновременно сепаратистических стремлений,*) не совместима с современной, тем более федеративной, формой государственного строительства.

Но новейшее толкование, возникшее под влиянием идеологических веяний конца XVIII века и укрепившееся благодаря все растущему значению международного права и появлению целого ряда союзных государств, вполне отвечает понятию суверенитета отдельных частей в федеративном государстве.

Государства, говорит большинство современных теоретиков государственного и международного права, отказываясь путем широкого демократического волеиз'явления и в форме международного договора, предусматривающего возможность полной реституции прав, от некоторых или даже от всех своих атрибутов, не могут терять своего суверенитета. Поэтому не могут терять его и федерирующиеся части, которые добровольно ограничивают свои права, передавая часть своих функций общесоюзным органам. На страже прав составных частей стоит федеральная конституция, принимаемая с согласия последних и изменяемая при соблюдении ими же установленной процедуры.

Интересно отметить—как принцип суверенитета практически внедряется в жизнь в существующих федерациях. Так например, в Швейцарии и Сев. Ам. Соед. Шт. члены высших палат (сенатов) являются представителями отдельных частей, репрезентируя их как отдельные государства. Там же исполнительная власть составных частей не зависит от центральной власти.

Конституция Швейцарской федерации в § 3-ем отмечает, что отдельные кантоны суверенны, если только суверенность их не ограничивается союзной конституцией. Но так как союзная конституция принимается кантонами, то ограничения эти фактически являются самоограничениями и, таким образом, нисколько не нарушают принципа суверенности кантонов.

Таковы в основном принципы федеративного сожительства народов.

Главным условием, такого сожительства как мы видим, является то, чтобы федеративный союз был продуктом добровольного и сознательного стремления федерирующихся частей. Без этого основного условия теряется внутренний смысл об'единения, ибо федерация не терпит принуждения.

Отсюда вытекает и то, что федеративная связь может заключаться только между величинами материально и духовно равноценными. В противном случае она рискует превратиться в ширму, под прикры-

*) Как известно, в конце XVI века закончился процесс освобождения зап.-европ. монархов из под гегемонии Ватикана и католических императоров. Освободившиеся монархи утвердили у себя крайний абсолютизм. Как первое стремление (антиримский сепаратизм), так и второе (абсолютистический централизм) нуждались в теоритическом обосновании, которое и было дано Jan'ом Bodinus'ом. Согласно его формулировки, понятие государственного суверенитета совпадает с абсолютной властью монарха-суверена.

тием которой сильный будет стремиться поглотить слабого. Великодержавность больших народов есть явление органическое, вытекает из самой природы человека, и потому сожительство больших народов с малыми, даже при первоначально абсолютной добровольности такого сожительства, грозит в конце концов конфликтом.

Такова была судьба всех государств, в которых вокруг больших народов об'единялись народы малые. Последние или поглощались большим народом или в конце концов общими силами разваливали государство и освобождались от связывающих их уз, по-началу зачастую надетых добровольно.

В этом отношении будущей Кавказской Федерации не грозит никакая опасность. Ибо не только общность интересов, многообразность культурных и исторических связей, но и идеальное равенство материальных и духовных возможностей способствуют тесному единению кавказских народов.

Б. К.

Н. Марр, яфетическая теория и советская языковая политика

В ночь с 19 на 20 декабря т. г. в Ленинграде умер Н. Марр, известный лингвист — член Коммунистической академии, вице-президент Академии наук СССР, „ученый — революционер", согласно определению московской „Правды", посвятившей покойному, наряду с иными органами советской печати, несколько страниц на протяжении ряда номеров.

Вряд-ла кто из читателей нашего журнала нуждается в пояснении, что Н. Марр— это не только ученый-лингвист, но и исключительный знаток кавказских языков и создатель т. н. яфетической теории. Но едва ли многие точно знают—почему Марр назван органом ЦК ВКП(б) „ученым—революционером", почему Бубнов — комиссар просвещения РСФСР—„приказал присвоить Государственной академии истории материальной культуры имя академика Н. Я. Марра" („Правда" от 21 дек. 1934 г.) и почему, наконец, вся советская печать отметила его смерть целой серией траурнохвалебных статей.

Все это потому, что лингвистика, на поприще которой покойный работал всю жизнь, знает две разновидности его творчества: 1 — творчество об'ективного ученого, недюжинного знатока кавказских языков с богатой эрудицией в области своей специальности, и 2—творчество ученого— „коммуниста", идеолога нового направления в лингвистике, при помощи которого предпринимается попытка заложить сомнительной ценности научный фундамент под унитарно - руссификационные стремления в области языка московского марксизма.

И если в первом случае Марр был убедителен, возбуждал уважение, то во втором—способен вызвать только брезгливое сожаление.

Правда, и в области кавказской лингвистики, в сфере первоначальной своей деятельности, Марр не дал нам новых откровений, новых исходных и решающих пунктов. Он лишь уточнил (в некоторых случаях), развил и дополнил то, что многими было сказано перед ним и самостоятельно доказывалось одновременно с его работами.

Как известно, яфетическая теория в своем первоначальном (до-советском) виде доказывала родство всех кавказских языков и отрицала их изолированность в системе иных языков мира—живых и мертвых.

В своей первой работе, напечатанной в 1888 г. в грузинской газете „Иверия", Марр писал:

„Грузинский язык, по плоти и духу, т. е. в отношении корнеслова и грамматического строя, находится в родстве с семитической семьей языков; однако, связь его с упомянутыми языками не столь тесная, как связь этих последних между собой. Повидимому, грузинский язык (собственно три языка: грузинский, мегрело-чанский и сванский) происходит из одного праязыка, почти столь же походившего на семитические, как семитические похожи друг на друга."

В 1920 г., дополнив и развив свои первоначальные наблюдения, он утверждает („Племенной состав населения Кавказа, Петроград, 1920):

„Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки есть явление не местного происхождения: яфетическая семья, к которой принадлежит первона-

чальное население Кавказа, здесь пришлые люди, также, как появившиеся затем последовательно ариоевропейцы и турки, не говоря о других не внедрявшихся целыми племенами народных масс, с тем однако различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседящей с юга прежней территории ее расселения, если не прародины,*) из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавкасские страны. Яфетиды двинулись некогда, и не в один прием для вселения в Кавкасский край под давлением ариоевропейских иммиграций, напиравших на центр их первоначальной исторической жизни, при чем отходившие яфетиды в движении своем устремлялись, сгущая или уплотняя свои эмиграционные колонны, между прочим и в северные для них области Кавказа, куда они двигались вообще в составе многочисленных исторически сложившихся народов и племен."

К этим выводам, неоднократно подтверждаемым им и в иных трудах, Марр дошел путем сравнительного исследования кавкасских языков и языков передней Азии, как существующих здесь поныне, так и уже исчезнувших. И, именно, эти исследования, начатые сравнением грузинского языка с семитическими и распространенные затем на все кавкасские языки и древние языки средиземно-черноморского бассейна (в том числе и один современный — баскский), стали основой яфетической теории. При помощи этой теории, Марр об'единил все кавкасские языки*) и некоторые древние языки (халдский, эламский, шумерский, этрускский и др.), а также баскский язык, в одну семью языков, названную им яфетической**). Так зародившаяся новая теория ни в чем не нарушила существующее в Западной Европе языковедческое направление (ныне иронически называемое адептами советского „нового учения о языке" —

*) В противовес здесь сказанному, Марр—„коммунист" уже отрицает существование особых языковых семей и их прародин. Понятие „семья языков" он заменяет менее „изолирующим" понятием „система языков"; существование же „прародин", а отсюда и расовую разобщенность человечества, он вообще отрицает. „Нет ни одного языка, ни одной системы (но не „семьи"— Б. К.) языков,—пишет В. Б. Аптекарь, биограф Марра и один из советских толкователей его учения (В. Б. Апт.—„Н. Я. Марр и новое учение о языке", Москва, 1934)—которые возникли бы в изоляции, вне связи с другими языками в едином глоттогоническом (от греческих слов: „глотта" — язык, „гонэ" — рождение — Б. К.) процессе. Новое учение о языке (так официально называется в Советской России „преобразованная" яфетидология — Б. К.) разрешило в важнейших частях вопрос о месте, занимаемом всеми языковыми системами в этом процессе. Все языки определяются им не как продукты независимого т. н. расово-культурного творчества в разобщенных первичных очагах — прародинах, а „как отложения особенных этапов развития человеческой речи, отвечающих основным этапам в эволюции хозяйственной жизни, общественных форм и соответственной материальной и настроечной техники." (В последней фразе Аптекарь цитирует слова самого Марра, заимствованные из „Яфетической теории" — одного из более поздних трудов покойного).

Другой биограф Марра, С. Н. Быковский, пишет (С. Н. Бык.—„Н. Я. Марр и его теория", Ленсоцэкгиз, 1933): „Н. Я. Марр отверг идею праязыка, пранарода и прародины. Качественные структурные различия языков он поставил в связь с историческим их развитием, а не расой, т. е. истолковал основные, общие, типические различия как основные этапы в развитии речи. Яфетические языки оказались системой, конкретным порождением одной из древнейших ступеней в развитии речи. Конкретным же порождением другой, более поздней ступени в развитии языка оказалась и индоевропейская или прометеидская (последний термин установлен Марром— Б. К.) система языков. В соответствии с этими положениями, Н. Я. Марр установил, что различные национальные языки представляют собою различные варианты разных исторических ступеней в развитии речи."

Таким образом, Марр последнего периода отстаивает утверждения, диаметрально противоположные высказываемым им в начале положениям. Языковые семьи (в том числе и яфетическая семья языков) для него уже не отдельные языковые группы, развившиеся (путем повторных скрещиваний, диффузий и т. п.) из первоначально самостоятельных основ („праязыков" в „прародинах"), а лишь различные системы — ступени „единого исторического процесса развития речи".

*) Не исключая кавкасско-иранские (например, осетинский) и кавкасско-тюркские (кумыкский, карачаево-балкарский и др.) языки, которые Марр склонен был рассматривать в качестве гибридных (смешанных) языков.

**) „Термин яфетический,—говорит по поводу избрания этого термина сам Марр,—название, взятое из библии и условное, выбранное потому, что учение об яфетических языках началось с установления родства яфетических языков с семитическими, т. е. арабским (их два вида письменных: мусульманский и христианский), еврейским, эфиопским или абиссинским, многочисленными арамейскими, в числе их сирийским (христианским) и ассирийским клинописным в Месопотамии. Так как тогда еще в науке в общем было принято родство семитической семьи с хамитической, куда входит прежде всего египетский язык, разные стадии развития мертвого египетского языка от иероглифов до демотического, народного, коптский — также мертвый, он же христианский письменный, и ряд современных живых африканских языков,—то, чтобы не нарушать общей системы научной терминологии, для вновь определившихся в своем родстве к родственным с хамитическими и семитическими языкам, пришлось из имен трех сыновей Ноя — Сима, Хама и Яфета—взять имя последнего, третьего брата (Яфета) и назвать вновь определившиеся языки яфетическими" („Яфетическая теория").

„индоевропеистикой"), а лишь дополнила его и создала в его системе для классификации кавказских языков специальный термин.

Но, повторяем, в установлении основ яфетической теории Марр не был пионером. Эти основы были утверждены перед ним. Из них—родственная связь кавказских языков отмечаема была уже на заре кавказской лингвистики (см. сравнительный глоссарий под заглавием: „Comparaisons de la langue des Doughors et Ossetins avec celle des Mitschdegises et ses dialectes", составленный Палласом в XVIII ст.). В новейшие времена (во второй половине XIX в.), эту связь доказывали Р. фон Эркерт (R. von Erkert—„Die Sprachen des Kaukasischen Stammes", Wien, 1892) и Фридрих Мюллер (напр., в „Grundriss der Sprachwissenschaft" — Wien, 1885).

„Все эти языки—говорил о кавказских языках фон Эркерт—оказываются согласно произведенным исследованиям так блиско родственными между собой, что, повидимому, являются потомками одного в них растворившегося праязыка."*)

Наконец, еще более определенно отмечали общность кавказских языков современники Марра—лингвисты XX столетия. Особенно блестящими в этом отношении следует признать серию работ мюнхенского профессора, ныне покойного, Адольфа Дирра (Adolf Dirr—„Linguistische Probleme in ethnologischer, antropologischer und geographischer Beleuchtung" — 1910, „Antropologische und ethnographische Übersicht über die Völker des Kaukasus" — 1912, „Sprache der Ubychen" — 1927, капитальный труд „Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen" — 1928, и др.), а также труды итальянского лингвиста, профессора Болонского университета—Альфреда Тромбетти (A. Trombetti—„Elementi di Glottologia" и др.).

Точно также была отмечаема до Марра и вторая основа яфетической теории—связь кавказских языков с иными языками передней Азии и Средиземноморского бассейна. Так напр., в поисках разрешения проблемы баскского языка, взялся за изучение кавказских языков (в 80-х г.г. прошлого столетия) один из признанных корифеев языкознания—Гуго Шухардт (Hugo Schuchardt). Попытка найти ключ к разгадке эламского языка привела к кавказским языкам Генриха Винклера (Henrich Winkler), который в своей роботе „Die Sprache der zweiten Columne der dreisprachigen Inschriften und das Altaische" (Breslau, 1896) не только раскрыл сущность неподдававшегося определению эламского языка, но сумел понять и своеобразие свойственного кавказским языкам синтаксиса.

Изолированность кавказских языков отрицали (в духе, остаиваемом первоначально и Марром) и упомянутые нами А. Дирр и А. Тромбетти. А. Тромбетти, например, в своих баскологических работах пришел к выводу, что баскский язык обнаруживает родственные связи и с кавказскими и с хамитическими языками, а в своей новейшей монографии („Le origini della lingua Basca"—1925) он решительно заявляет: „я тесно связываю баскский язык с кавказскими" и „баскский язык более родственен кавказскому, чем какой бы то ни было другой лингвистической группе."

„Среди кавказских языков—говорит далее Тромбетти — наиболее приближаются к баскскому—абхасско-черкесский и картельский, может быть, также чечено-тушинский."

Короче говоря, в западно-европейской лингвистике уже давно восторжествовало положение (доказываемое, кроме перечисленных ученых, и многими иными: Georg'ом Hüsing'ом, Ferdinand'ом Bork'ом, A. Gustavs'ом, A. Ungnad'ом, Th. Kluge и др.), что кавказские языки родствены с целым рядом других языков. Для обозначения этой группы был даже создан особый термин: входящие в нее языки были названы „кавказоидами" (по немецки „Kaukasidische").

В этой отрасли кавказоведческой работы, в утверждении только что указанных положений, Марр, повторяем, не дал нам новых откровений; он был одним из сотрудников (сотрудником, правда, выдающимся), и только. „Всемирную славу" ему принес не „кавказоведческий" период его деятельности.

Печальную, должны мы признать, славу и широкую известность в научном мире приобрел Марр благодаря своей деятельности уже при советском режиме. Слава эта пришла тогда, когда он покусился на основы современной лингвистики, когда он на 65-ем году жизни стал „убежденным марксистом" и ввел в науку о языке методы московского „диалектического материализма."

*) Интересно сравнить это утверждение с мыслью о возможной прародине (в Месопотамии) кавказских народов, а значит и о возможном праязыке, высказанной Марром почти 30 лет спустя в цитированном нами абзаце его брошюры „Племенной состав населения Кавказа."

Это „преображение" маститого ученого и его последствия описываются С. Н. Быковским (С. Н. Б.—„Н. Я. Марр и его теория", Ленсоцэкгиз, 1933) следующим образом:

„...В процессе изучения фактических материалов, с выходом за пределы одних языковых явлений, с признанием необходимости лингвисту быть обществоведом, Н. Я. Марром была разрушена (?!) буржуазная языковедческая легенда о праязыках, пранародах и прародинах. Представлению о происхождении современных языков путем их мнимого выделения из особых праязыков была противопоставлена идея органического, подлинного развития языков от первоначального множества к единству. Основной путь этого развития Н.Я. Марр видел в скрещении различных языков. Напротив, все буржуазные лингвисты представляют себе происхождение современных языков таким образом, что первоначально существовали отдельные праязыки; последние дробились, и из них в дальнейшем, из каждого, выделилось несколько новых языков; эти последние в свою очередь вновь дробились и распадались на новые отдельные языки и т. д., пока не возникли современные языки. Если мысленно представить себе весь процесс в целом, то получается своего рода ряд пирамид. Вершиной каждой такой пирамиды является праязык той или иной группы, „семьи" современных языков. Основанием пирамиды служит ряд современных языков. Каждая такая „пирамида" у буржуазных лингвистов поставлена вершиною вниз, основанием кверху,— исходным пунктом языков является ведь праязык, „вершина пирамиды".

У самого же Марра (см. — Н.Я. Марр „Яфетическая теория") сущность „перерождения" формулируется так:

„По яфетической теории, человечество не начинало единым языком, а шло и идет к единству языка всего человечества.

Яфетическая теория выясняет пути этой эволюции мутационного (перерожденческого) порядка, ряд смен одной системы другою, и технику каждой типологически новой системы, приближавшей и приближающей нас к будущему типу единого языка... Индоевропеисты (т.е. „буржуазные языковеды" — Б.К.), исходя из единства праязыка, ставили пирамиду вершиной вниз, чтобы от единицы итти к множеству, широкой раскиданности многообразных видов человеческой речи, а яфетидолог, исходя из одинаковости степени развития всех языков, многочисленных и неокрепших в своей формации, идет к нарастанию в определенных путях общего единого языка".*)

Но ошибается тот, кто сегоднешнюю „эволюцию" яфетидологии, ее „победоносный" поход за пределы кавказознавства, которое, между прочим, и сейчас является ее основной базой, об'яснял бы „процессом изучения фактического материала". Попытка подогнать под ее „расширенные" нормы — в основном — языки „советской империи", говорит нам об ином. Она является, утверждаем мы, исключительно результатом „социального заказа", полученного Марром от своих кремлевских хозяев. В этом утверждает нас и моральный облик покойного ученого. Человек, мечтавший в молодости о независимой Грузии, в зрелые годы ставший лояльнейшим членом „императорской" Академии наук, а на склоне своих лет превратившийся в „убежденного марксиста-большевика",**) — едва ли мог проявить надлежащую твердость духа и „уберечься от соблазна" отдать свою богатую эрудицию и научный опыт на службу правящей власти.

Вопрос станет вполне ясным, если мы сопоставим нижеследующие слова Сталина с сущностью „преобразованной" яфетидологии.

„Период диктатуры пролетариата — заявил Сталин на XVI с'езде партии — и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... Развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобразовательного первоначального образования на родном языке (разбивка здесь и всюду

*) Как Марр, так и Быковский в своих утверждениях определенно „передергивают." „Буржуазная" лингвистика („индоевропеистика") отнюдь не так одностороння: она признает не только процесс „дробления", но и „концентрацию" языков. Виднейший представитель ее, А. Дирр, выдвигает, например, в качестве основной причины всех изменений в языке „взаимное соприкосновение, проникание, смешение и ассимилизацию разноязычных человеческих сообществ" (см. его — „Linguistische Probleme in ethnologischer, antropol. u. geograph. Beleuchtung").

**) В своей „Автобиографии" Марр, между прочим, пишет: „Мы мечтали об освобождении Грузии на путях национального движения. Помню, как будучи студентом, с одним моим еще гимназическим товарищем мы давали друг другу взаимные клятвы „не слагать оружия", пока не освободим Грузию. Он впоследствии стал директором банка, — „иронически" добавляет Марр — а я...академиком".

наша — Б.К.)... Только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства... В этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР. Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета (?!) национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру, с одним общим языком".

Именно, под этот сталиновский „рецепт" подводит „преобразованная" яфетидология „научную основу".

„Родина нового учения не университет — писал Марр в предисловии к сборнику своих статей „По этапам развития яфетической теории" (Москва—Ленинград, 1926) — и не академия, а жизненные социально-экономические условия, вне каких либо стен, с их массовостью и классовостью борьбы"...

И далее (там же) — новое учение „является детищем современности и не может не призывать к неослабному научному творчеству, созиданию новых научных ценностей, и новой бесклассовой общечеловеческой культуре и основному пока ее общественному рычагу, неослабной классовой борьбе, руководимой пролетариатом, в самом нашем производстве".

Еще более определенно сущность „социального заказа" (нового учения о языке) выявлена Марром в его работе „К происхождению языка".

„Задача современного языкознания — читаем мы там — заключается в изучении техники языкового творчества для облегчения и ускорения совершающегося процесса языковой унификации".

Для всех, кто знаком с сегоднешней советской действительностью, не составляет тайны, что „совершающийся процесс языковой унификации" реально сводится к руссификационным мероприятиям советского правительства в области языка. Хотя в откровениях апостолов большевизма нигде не сказано, что „общим языком бесклассового общества" должен быть русский язык, однако практические починания большевиков в области языковой политики (составление „терминологических словарей" для не-русских языков с массовым включением в них русских терминов, ограничение школьного образования на этих языках преимущественно пределами начальной школы и т. п.) ясно свидетельствуют, что в качестве такого „общего языка" предвидится русский язык.

И в данном случае „научное обоснование" дано Марром.

„Новое учение о языке — говорит он в „Языковой политике яфетической теории"*) — не может противопоставить массовую русскую речь языкам окружающих или сожительствующих с ним наций, не может их разобщить, так как оно вскрыло генетическую связь между языками других национальностей и русской речью".

К этому выводу Марр дошел путем „изучения" чувашского языка, у которого он доказал „его несомненную генетическую связь" с русским языком.

„Обилие схождений русской речи с чувашской — говорит В. Б. Аптекарь („Н.Я. Марр и новое учение о языке") — об'ясняется Н. Я. Марром как доказательство генетических связей обоих народов, причем чуваши-яфетиды выступают как пережиток общей яфетической подпочвы, на основе которой в силу новых социально-экономических условий возникли племенные образования — финское, турецкое и русское".

Здесь особенно показательна заключительная часть: сопоставление „финского и турецкого" с „русским". Помимо воли напрашивается мысль, что Марру во что бы то ни стало необходимо было доказать „евразийскую общность" населяющих СССР народов в сфере своей специальности — в сфере языка.

Если рассеять „научный" туман, окутывающий перевоплотившуюся яфетидологию, то мы увидим, что лингвист Марр (полушотландец — полугрузин, а в сущности „русский человек") пытается обосновать то, что пытались доказать и доказывают иные теоретики русской т. н. общественной мысли (от „славянофилов" до

*) Правильнее было бы ее назвать „Языковой политикой советской власти".

сегоднешних „евразийцев" и большевиков включительно): „мессианизм" русского народа, его „предназначение" сыграть особую роль в судьбах „окружающих или сожительствующих наций".

В этом духе „откровения" Марра были истолкованы и представителями западно-европейской лингвистики. А. Дирр, например, полемизируя с выводами Марра, писал, что когда на Западе „читают о четырех первичных племенах SAL, BER, YON, ROШ (согласно Марра, первичные племенные названия, которые легли в основу словообразования и члено-раздельной речи—Б. К.), которые своими „скрешиваниями" должны об'яснить нам загадку древнейшей истории значительной части Евразии, то становятся очень подозрительными, недоверчивыми". Еще более определенно высказался англичанин Аллен, который на страницах „Times" писал, что яфетидология является новых оружием паназиатской политики большевиков.*)

Заканчивая на этом наш обзор, мы должны констатировать, что смерть Марра едва-ли остановит дальнейшее „развитие" яфетидологии. Слишком обширно оставленное им литературное наследство и многочисленны в нем „отправные пункты" для такого развития. Уже сейчас это наследство стало для советской лингвистики и практических починаний советской власти в области языковой политики тем, чем в иных отраслях жизни СССР являются писания Ленина, Сталина и пр. пророков большевизма.

Для об'ективного же языкознавства, в том числе и для первоначальных и бесспорно талантливых работ Марра, в Советской России нет уже места — они признаны „буржуазными".

*) Научную ценность выводов Марра последнего периода характеризуют следующие слова проф. Дирра: „Марр соорудил прокрустово ложе, на котором распинает схваченные им в процессе его лихорадочной деятельности несчастные языковые индивиды".

Карачайлы

Расселение горцев в Карачаевской автономной области

Под таким заглавием в номере 2-ом (за 1933 г.) советского журнала „Революция и национальности" некто А. Е. Серебряков поместил статью, в которой разбирает переселенческую политику, проводимую большевиками в Карачае. Данные, иллюлистрирующие эту статью, немного устарели, т. к. охватывают собой только период до 1932 года (включительно). Однако, они все же представляют значительный интерес, ибо рисуют не только результаты переселенческой политики (которая должна была быть закончена только в 1933 г. и потому в статье представлена лишь частично), но и земельное положение Карачая, вызвавшее эту политику и заставившее даже большевиков приступить к реформам.

Вот как характеризирует это положение Серебряков:

„...Колонизация Северного Кавказа русским населением началась в 20-х годах XIX столетия; по р. Кубани была создана линия казачьих поселений. В 60-х годах казачьи станицы вклинились в земли туземцев по всему предгорью, оттеснив последних в горы и в степную полосу.*) Больше всех пострадали черкесы. Окруженные со всех сторон казачьими станицами, они были почти совершенно вытеснены из родных земель. Сильно пострадали и карачаевцы. Постройка Ермоловской линии завершила вытеснение туземного населения с плоскости и окончательно загнала его в горы. После подавления восстания в 1855 году**), в каждой речной долине при выходе из гор была построена казачья станица, занявшая своим юртом остаток плодородных земель, лежащий в начале горной полосы вдоль речных долин.

На карачаевцев пала огромная экономическая тяжесть колонизации Северного Кавказа. Окруженные непроходимыми снежными полями и ледниками главного Кавказского хребта, отрезанные от плоскости стеной казачьих станиц, они вынуждены были устраивать свою судьбу в диких узких горных ущельях, на голых скалах и

*) Из „степной полосы" северо-кавказцы были „оттеснены" немного раньше: в последней четверти XVIII столетия (пространства между Кумой и Тереком и закубанские степи с Таманским полуостровом) и в 30-х годах XIX столетия (равнина между Кубанью и Лабой).—К.

**) К 50-м годам XIX ст. и Карачай был втянут в орбиту Наместничества Магомет-Эмина в Западной Адыгее и взялся за оружие.— К.

неприступных горных высотах и взяться за последний источник существования—за кочевое скотоводство"...

И далее:

„.. В силу малоземелья карачаевцы-скотоводы вынуждены были арендовывать земли за пределами горной полосы. Ежегодно они арендовывали десятки и сотни тысяч гектар казачьих пастбищ и покосов (разбивка наша—К.) в б. Кубанской области (Лабинском и Майкопском отделах), Терской области—за сотни километров от места своего жительства. Многие карачаевцы постоянно поселялись кошами на арендованных землях"...

Это положение А. Е. Серебряков подтверждает данными Статбюро б. Карачаево-Черкесской области*) по аулу Хурзук, составленными в 1925 г.—т. е. уже в советский период. По этим данным, из общего числа 1130 дворов аула:

круглый год жили в ауле . . .	252 двора
только зимой.	216 „
на зимних пастбищах — кошах за 21—43 клм.	205 „
на дополнительных наделах в Джегуте за 80 кл..	90 „
на дополнительных наделах в М. Карачае за 107 клм.	250 „
на арендованных землях в Зеленчукском округе за 107 клм. . .	11 „
на арендованных землях в Терском окр. 128 клм.	65 „
на арендованных землях в б. Кубано-Черном. обл. за 140—160 клм. .	41 „

Иными словами, в среднем по величине ауле Карачая только 22·3% общего числа дворов могли прокормиться, используя имеющуюся поблизости землю и не покидая родной аул в течении круглого года; 19·1% хозяйств могли жить в ауле только зимой, по всей видимости только потому, что имели возможность заготовить и доставить в аул необходимый для скота корм. Но большинство хозяйств (58·6%) принуждены были жить постоянно вне аула, за десятки километров он него, и во многих случаях, даже при советской власти, выплачивать арендную плату за землю, которая, в сущности, по праву может принадлежать только им—представителям „туземного населения."

По тем же данным (1925 г.), в аулах Старого Карачая только 25% хозяйств живет круглый год в ауле, 33% — летом постоянно находятся за 80—110 клм. от аулов, а остальные 42% и летом и зимой пребывают вне аулов, причем большинство хозяйств этой категории живет на арендованных землях и во многих случаях вне пределов области (140—150 клм. от своих аулов).

Стремясь ликвидировать это ненормальное положение, население Карачая после революции старалось собственными средствами провести земельную реформу. До 1923 года в пределах б. Хумаринского округа самопроизвольно образовалось 6 новых аулов с 359 хозяйствами, а в б. М. Карачаевском округе 2 аула с 136 хозяйствами. К 1929 году, таким образом, образовалось новых поселков:

до 1925/26 г. .	11	с 2410	хозяйствами
в 1925/26 „ .	2 „	135	„
„ 1926/27 „ .	2 „	120	„
„ 1927/58 „ .	1 „	116	„

Но эта стихийная „реформа" не была даже полумерой, т. к. была проведена на том ограниченном количестве земель, которое предоставлено было царским правительством населению Карачая. Кроме того, она охватила всего лишь около 2800 хозяйств—т. е. не более 10% всех хозяйств в Карачае.

17-X-1931 года президиум ВЦИК решил, наконец, обратить внимание на положение в КАО (Карач. авт. обл.) и вынес специальное постановление „о социалистическом строительстве Карачаевской автономной области." В этом постановлении, наряду с мерами „по коллективизации", „реконструкции животноводства" и т. п., говорилось и о землеустройстве и переселении, причем последнее и в этом случае предвиделось лишь „внутри области".

Автор цитируемой нами статьи, упоминая о постановлении ВЦИК, считает, что „директиву ВЦИК о сплошном землеустройстве КАО в основном можно считать выполненной" и что она „восстанавливает нарушенные национальной политикой царского правительства права кавказских народов на ранее принадлежавшие им земли."

Разберем, насколько прав автор в своем утверждении.

Во первых, как мы уже отметили, „директива ВЦИК" предвидит переселение только „внутри области." Таким образом, положение десятков тысяч карачаевцев (и, между прочим, значительного также количества адыгейцев), живущих, фактически уже постоянно, в пределах б. Майкопского и Лабинского отделов и лишь номинально числящихся в составе населения собственно Карачая, остается по-прежнему неопределенным. В отношении их „нарушенные национальной политикой царского прави

*) Как известно, Карач.-Черк. авт. область в 1928 г. была разделена на Карач. авт. обл. и Черкесскую авт. обл.

тельства права" отнюдь не восстановлены. Многие из них до сих пор продолжают выплачивать арендную плату (это — при „социализации земли"!) и в районах своего постоянного жительства считаются „временнопроживающими." Не имея возможности обеспечить их землей в пределах Карачая, советское правительство не решается закрепить за ними земли вне этих пределов, на которых они живут издавна.

Но и „переселение внутри области" также нельзя назвать благодеянием. Серебряков в своей статье совершенно не приводит размеров надела, предназначенного на одно переселенческое хозяйство. Он лишь говорит, что переселенческий фонд образован из земель части б. Баталпашинского района, присоединенной к КАО, и что он расчитан на 2339 дворов. Эта „сдержанность" Серебрякова, по нашему, скорее свидетельствует о том, что размеры наделов минимальны и „реформа", даже в слабой степени, не разрешает земельного кризиса в Карачае. В этом нас утверждают и данные бюджетного обследования хозяйств в „районах выхода" и „переселенческих", приводимые Серебряковым. Оказывается — денежные поступления в этих хозяйствах распределяются следующим образом (в рублях):

	Животноводство	Полеводство	Сено
высокогорный район — — район основного выхода переселенцев .	261·7	1.8	8·9
предгорный северный район переселения:			
а) западный . .	145·2	0·7	9·8
б) восточный . .	122·1	24.4	10·7

Т. е. по данным Серебрякова, хозяйства в высокогорных, перенаселенных, районах дают больший доход, чем хозяйства, выселившиеся оттуда в предгорья с целью улучшения своего положения. Затем, чрезвычайно показательна и ничтожная вообще доходность хозяйств как горной, так и предгорной полосы, еще более наглядно иллюстрирующая бесплодность результатов переселения.

Наконец, переселение не избавляет карачаевцев и от „кочевого скотоводства", метко названного Серебряковым „последним источником существования." Об этом говорит нам ничтожное количество предполагаемых к переселению дворов (2339 — менее 10% общего количества хозяйств), отнюдь не разрешающее вопроса перенаселения Карачая—причины „кочевого скотоводства", а также распределение земельных угодий (удобных земель) в „районах выхода" и „районах вселения". В последнем случае — как в первых, так и во вторых — попрежнему доминируют „пастбища и сенокосы" и только незначительный процент „удобных земель" приходится на пашни. Так например (в %%):

	Усадьба и приусадебные земли	пашня	сенокос	прочие удоб.	итого удобн.
Нагорная полоса . .	3·2	0·01	96·8	—	100
Большинство аулов „новых" районов . .	5·1	7·8	87.1	—	100
2 аула из числа „новых" (Кзыл-Октябр, Кумыш-Аягы)	—	37·3	52·2	9·4	100

Как видим, только в 2 аулах (из более чем 40 аулов Карачая) пахотная земля составляет $^1/_3$ общего количества удобных земель, в большинстве же аулов она исчисляется сотыми процента, не доходя, даже в переселенческих „землеустроенных" аулах, до 10%. В результате, большинство карачаевцев по-прежнему вынуждены „устраивать свою судьбу в диких узких ущельях, на голых скалах" и заниматься „кочевым скотоводством" и по-прежнему отделены от тучной плоскости „стеной казачьих станиц".

Но, даже реализируемое в столь скромных размерах, переселение не было проведено надлежащим образом. Серебряков констатирует, что переселенцы „не снабжаются дефицитными стройматериалами (стекло, гвозди, железо)" и поэтому „отстроенные и обитаемые дома не имеют стекол в окнах, закрываемых только ставнями." Население в новых аулах лишено медицинской помощи, нет школ, земледельческих орудий и т. д. Был момент, говорит Серебряков, когда вообще все хотели вернуться обратно.

Такова картина „расселения горцев в Карачаевской автономной области", инсценизируемая советской властью. Картина — знакомая нам по аналогичным мероприятиям в иных районах Северного Кавказа, где также все свелось к „землеустроению внутри областей."

И мы должны сказать, вопреки утверждениям Серебрякова, что вся т. н. земельная политика советской власти на Северном Кавказе — это лишь ширма, неумело прикрывающая звериный лик красного видоизменения российского империализма, но ни коем случае не „восстановление нарушенных прав кавказских народов на принадлежащие им земли". Советским писакам не удастся ввести в заблуждение население Северного Кавказа.

А. Кундух

Была-ли у иронов (осетин) письменность?*)

Не раз уже на страницах свободной северо-кавказской печати затрагивался вопрос о наличии письменности у того или другого из северо-кавказских племен, но вопрос этот и доныне остается открытым.

Наличие письменности, несомненно, является одним из главнейших моментов, венчающих понятие о культуре, но когда мы видим различные степени культуры письменности у разных народов, было бы весьма ошибочно заключать, что отсутствие письменности в новейшие времена могло бы значить, что у данного народа вообще никогда не было и понятия о ней. В частности, это утверждение мы распространяем на иронов (осетин), несмотря на то, что отсутствие у иронов письменности еще в начале прошлого столетия, как будто бы, доказывает отсутствие таковой и во времена более отдаленные.

Для доказательства правильности нашего утверждения, обратимся к самим иронам — к иронскому языку—и постараемся найти в нем свидетельство, подтверждающее это утверждение.

Язык в неменьшей степени, чем памятники материальной культуры, свидетельствует о прошлых судьбах народов и племен, и анализ его элементов во многих случаях с неменьшей точностью может нам помочь восстановить картину событий древних лет.

Анализом языка, как известно, занимается лингвистика, определяя при этом природу его и формы, по которым можно заключить — есть ли он языком от самого своего рождения развивающимся на собственных корнях или же он образовался от смешения разных языков, причем часто уже невозможно бывает определить в точности — к какому языку (основному) принадлежат корни, составляющие его опору (основу). Состав анализируемого языкового материала должен включать не только живую речь, письменный и словарный материал, но и песни, предания, мифы и все то, чем пользуется народ при звуковом изложении своей мысли. Все эти явления встречаются, понятно, и у иронов, но, к сожалению, несмотря на труды некоторых ученых, они не задеты и не исследованы еще в должной мере, хотя архаизм иронского языка уже не подлежит сомненню и правильно ведомые изыскания дали бы весьма интересные результаты. Однако, и мы не собираемся в настоящем углубляться в этом вопрос, ограничивая себя поставленным в заглавии заданием.

Итак, доказано, что при воспринятии любого предмета (или абстрактного понятия), до сих пор не существовавшего в обиходе данного народа, почти всегда воспринимаемое переходило с тем наименованием, которое существовало для него на языке народа, от которого предмет воспринят. Если же предмет (или понятие) возникает в самом народе, то и название ему дается на основах родного языка и в этом случае мысль уподобляется семени, пускающему росток, корни которого покоятся в родной почве, и было бы напрасным трудом искать эти корни на чужбине.

Если и правильно мнение о бесписьменности иронов в новейшее историческое время (до начала прошлого века), то в то же время язык свидетельствует о том, что некогда, в довольно отдаленные времена, они были знакомы с письменностью и что понятие это возникло в их среде, а не пришло извне. Это доказывается природой (структурой) и значением (семантикой) иронского термина „fyššyn" (писать), от которого, как будто бы, должно производиться и понятие „nyffyššyn" (написать). Применяя простейший метод анализа, нетрудно подвергнуть дешифровке это последнее слово, с которым безусловно находятся в непосредственном родстве и соответствующие обозначения этого понятия и на других восточно-арийских языках: фарсское *) „nyvyšten" (писать, написать), поль-

*) Печатая настоящую статью, редакция надеется, что инициатива г. А. Кундуха определить путем научного анализа (в данном случае лингвистического) некоторые проблемы прошлого наших племен, вызовет подражание, и наш журнал станет, таким образом, рупором северо-кавказской национальной мысли и в области научных иссканий. Кроме этой статьи, г. А. Кундух обещает прислать нам ряд дальнейших материалов как из области сравнительной кавказской лингвистики, так и по разбору отдельных кавказских языков и наречий — редакция.

*) Выражение „фарсское", по нашему, более правильно, чем „фарсидское" или „фарсистское", ибо оно производится от слова „фарси", что само по себе (без руссифицированного окончания) определяет уже язык современного Ирана.

ское — „pisać", „napisać", чешское — „psat", „napsat" и, наконец, русское — „писать", „написать". Если принять во внимание, что переход звука „p" в „f" и обратно, „v" в „f" и обратно, „s" в „š" и обратно, есть вполне нормальным, закономерным явлением для упомянутых языков, то не может быть сомнения, что генетически и семантически все эти выражения происходят от одного корня — источника. Остается только определить — какой из упомянутых языков содержит в себе корень, являющийся основным источником понятия о письменности у восточных арийцев („иранцев" и славян).

Для ответа на этот вопрос, необходимо подвергнуть некоторого рода процессу редукции нынешнюю форму интересующих нас терминов, дабы получить искомый корень в его первичной форме.

На первый взгляд кажется, что корень — основа должен был бы представиться в одном из следующих видов: „fyš" „fys", „vyš", „vis", „piš", „pis", „ps" и т. д., от которого путем дальнейшего обогащения приставкой и окончанием мог бы образоваться основной для всех этих языков глагол „писать". Но чтобы мог, по основному смыслу, обозначать любой из приведенных образцов, если взять его как предполагаемый корень? Ничто, ибо такой корень не существовал ни в иронском, ни в фарсском, польском, чешском и русском языках.

Однако, удаляться далеко в поисках истинного корня нам не приходится, т. к. в действительности это понятие образовалось на основе двух корней и оно возникло в своей первоначальной форме в лоне самого архаического, смеем утверждать, из всех индоевропейских (арийских) языков — в лоне языка иронов. Мы считаем, что нынешняя простейшая форма иронского „fyššyn" или „fyssyn" (писать) подверглась деформации и первоначально употреблялась в виде „nyffyššyn" или „nyffyssyn" (в настоящее время — уже „написать"), где частица „ny" вовсе не является приставкой, равнозначной славянскому „na" или „на", в случае надобности всегда прибавляемой к глаголам.

Истина кроется в том, что в состав иронского „nyffyššyn" („nyffyssyn"), как мы отметили, вошло два иронских же корня: „nyv" (изображение, форма, вид, картина — а ныне и фотография) и „iš" (или „is"), от которого образовался глагол „išyn" или „isyn" (снимать, брать). Из соединения этих двух корней образовался сложный корень „nyviš" („nyvis"), от которого в свою очередь произошел искомый нами глагол „nyvišyn" („nyvisyn"), что значит — „изображать", „снимать изображение (вид, форму, план)", а в наши дни и „фотографировать". Таким образом, существительное „nyv" и глагол „išyn" образовали интересующее нас „nyv-išyn", которое в последствии, когда исторические бедствия заставили иронов забыть существовавшую у них когда-то древнейшую письменность, приняло несколько видоизмененную форму — в начале „nyvfyššyn", а затем и „nyffyššyn", хотя и сейчас многие еще употребляют форму „nyvfyššyn". От этой же формы стали производить неправильное „fyššyn" или „fyssyn" (писать), в котором из существительного „nyv" сохранился только один звук „v" (перешедший в „f"), глагол же „išyn" принял изуродованную форму „yššyn".

Итак, как „fyššyn" (или „fyssyn"), так и „nyffyššyn" (или „nyffyssyn") являются несколько (хотя и закономерно) изменившейся формой „nyv-išyn" (изображать, снимать изображение), причем не только „v" перешло в удвоенное „vf" и „ff", но и „š" — в „šš", а „i" в „y". Но все это — обычное для иронского языка явление.

Без помощи иронских корней „nyv" и „iš", анализ фарсского „nyvyšten", польского „pisać", „napisać" и т. д. требуемых результатов нам не даст. При помощи этих двух корней становится ясным, что фарсское „nyvyšten" состоит именно из комплекса „nyv" и „iš", а частица „ten" здесь представляет лишь глагольное окончание, нормальное для фарсского языка.

Тщетны были бы усилия искать в фарсском языке корень „iš" *), глагольная форма которого звучала бы „išten". Эта форма давно заменена глаголами „berdašten", „verdašten" (снимать, брать), „endachten" (снимать, бросать) и „gireften" (брать). Иронское существительное „nyv" уже изчезло из живой речи фарсов, однако память о нем сохранилась в „nävä" (потомок, внук — т. е. „отпрыск своей старой формы"), а главное, оно сохранилось как часть комплекса „nyvyšten". Что „nyv" здесь означает то же, что и иронское „nyv" доказывается еще и отсутствием в фарсском языке глагола

*) Корень „iš" можно встретить только в древнейших иранских языках.

„vyšten“, который должен был бы происходить от иронского „fyššyn“, образовавшегося впоследствии. Отсутствие „vyšten“ доказывает еще и то, что при отделении иранцев от иронов глагол „fyššyn“ у последних еще отсутствовал и, следовательно, и те и другие находились еще под впечатлением картинного, идеографического письма.

Славянские же формы глагола „писать“ еще менее доступны для анализа, т. к. они образовались от уже испорченной формы иронского „fyssyn“, в котором за корень ошибочно принята была частица „fys“, образовавшая путем перехода „f“ в „p“ мнимый корень „pis“ и „ps“.

В результате всего сказанного, мы убеждаемся, что понятие о письме существовало у иронов уже в весьма древние времена, но письмо это, как свидетельствуют выявленные нами корни глагола „nyffyššyn“, было изобразительным или идеографическим (картинным). Этот вид письма представляет из себя первичную стадию развития письменности, и тот факт, что в наибольшей своей чистоте древнее понятие „писать“ сохранило свои корни именно в бесписьменном (еще 100 ет тому назад) иронском языке, говорит нам многое. И в первую очередь оно говорит о том, что ироны имели свою письменность уже во времена глубочайшей древности и что, возможно, они же были первыми пионерами изобразительного письма среди массы арийцев.

Относительно времени возникновения идеографического письма среди арийцев (в том числе и иронов) ничего точного нельзя сказать до тех пор, пока соответствующие изыскания не представят необходимый материал. Но, все же, можно утверждать, что корни этой письменности, пронизывая эпоху неолита, теряются в палеонтологической, весьма долго продолжавшейся, пра-истории арийцев. Что эта письменность у арийцев могла существовать раньше чем у других древне-культурных рас и народов, доказывается тем, что в то время, как картинное письмо у китайцев введено было всего лишь во второй четверти третьяго тысячелетия до Р.Х., заменив „узловую речь“ (вряд-ли можно назвать последнюю „письмом“), — потоки арийцев уже уносили с собой на юг и др. места распространения стареющее понятие о несомненно существовавшем у них идеографическом письме. В частности, в языке иронов наличие этого письма оставило такую память, что даже последующие тысячелетия „бесписьменного“ существования несмогли уничтожить его следы.

Kafkasya Misakı ve Matbuat
Печать по поводу подписания Пакта

Bolşevizmin barışmaz düşmanı ve Kafkasya'nın sınanmış dostu Stanislav Matskeviç tarafından Vilnada çıkarılan ve Lehistan'ın çok taammüm etmiş yevmî gazetelerlinden olan „Slovo“ gazetesi 27 Sonteşrin 1934 tarihli nushasında „Kafkasya Konfederasyonu“ başlığı altında büyük bir mekale neşretmiştir Mekalede şunları okuyoruz:

„Kafkasya mes'elesi geniş leh efkâri umumiyesine nisbeten daha az mâlûm bir mes'eledir. Bu mes'ele Sovyet Rusya iç siyasetinin sinirlendirici ve en aktuel mes'elelerinden biridir. Bu mes'elenin Avrupa siyaseti üzerine yapacağı bilavasıta tesir her halde bu yakın zamanlarda kendini gösterecektir. Zira Kafkasya mes'elesinin Ukrayna mes'elesi gibi, Şarkî Avrupa siyasî mükadderatı üzerine tesir yapacağını tam bir katiyetle kaydetmek lazımdır. Bu tesir her halde leh siyasî menfaatlarına dahi temas edecektir.“

Bu mukaddemeden sonra muharrir diyorki:

„Nisbeten çok uzak olmıyan bir geçmişte Kafkasya'nın mükadderatı Lehistanda vuku bulan tarihî degişikliklere muvazî bir inkişaf seyri takib etmiştir. 1918 — 1920 senelerinde leh milleti Mareşal Pilsutski'nin kumandası altında fevkalbeşer bir irade kuvveti sarfetmek ve en iyi evladlarını kurban vermek suretile leh devletini ihya etmişti. Ayni günlerde parçalanmakta olan Rusya'nın öbür ucunda Kafkasya halkları kendi yurtlarının istiklalî için, ayni neviden bir savaşa girişmişlerdi. Lehistan istiklâli 1918 in Sonteşrininde ilan edildi. Tekmil Kafkasya erazisini ihtiva eden Şimalî Kafkasya, Azerbaycan, Gürcüstan vę Ermeni-

stan gibi dört devlet dahi kendi istiklallerini ayni senede ilan etmişlerdi.

Lâkin, kızıl Rusya çar Rusyasının istila ananesine sadık bir varis olduğunu göstermekte gecikmedi. Müstakıl ve hür Lehistan ve Kafkasya devletlerinin mevcudiyetini tanımak istemeyen ve çekemiyen Sovyet Rusya, kendi ordularını bu devletlerin üzerine çevirdi.

Yeniden dogan Lehistan, Varşova, altına kadar gelmiş bulunan bolşevikleri geri çevirmek için kâfi kadar kendinde kuvvet bulduğu bir sırada, Kafkasya çok daha fena vaziyette bulunuyordu. Orada gen. Denikin müstakıl Kafkasya devletleri hususunda bolşeviklerle müttefik idi. Denikin Şimalî Kafkasya Cumhuriyetini kan içinde bogduktan sonra bolşeviklere Gürcüstan ve Azerbaycana sokulmak için yol açmıştı. 1920 nin ilk baharında bolşevikler ilani harb etmeden Azerbaycani, bir müddet sonra da o sıralarda Milletler Cemiyeti azası olan Gürcüstanı işgal ettiler. Bütün bunlara ragmen Kafkasya mes'elesi şimdi, 1918 — 1920 de olduğu kadar aktuel bir mes'eledir".

Bunu mütaakib muharrir bu aktualiteyi isbata çalışıyor ve Misakın tam metnini veriyor. Misak hakkındaki mülahazasını da şu suretle anlatıyor:

„Gördügümüz vechile hiç te tahmin edilmeyen bir birlik tahakkuk etmiştir. Muhtelif ırklı ve muhtelif dinli Kafkasya halkları, kendi istiklallerinin tahakkuku yolunda çok büyük bir adım atarak birlik olmuşlardır.

Hiristiyan gürcü, müslüman Azerbaycanlı ve dağlı ile beraber ayni hürriyet savaşının bayrağı altına geliyor. Dahilî ihtilaf artık ortadan kalkmıştır. Bu da hiç şüphesiz yakın gelecekte kazanılacak zaferin en iyi bir zimanıdır."

Muharrir devam ediyor:

„Kafkasya halkları konfederasyon Misaki imzasını büyük bir sevinc ve memnuniyetle karşıladılar. Bu sevincin akisleri Kafkasya'nın en uzak daglarından gelmektedir. Komünistlere taarrüz, hükûmete mukavemet, gene yeniden her günkü hadiseler meyanına girmiştir. Şimalî Kafkasya'nın bazı yerlerinde Sovyet hükûmetinin ancak bir ismi kalmıştır, zira yerli halk Moskva'dan gelen hükûmet emirlerini dinlemek ve buna tabi olmağı istemiyor."

Muharrir mekalesine şu cümlelerle nihayet veriyor:

Şarkta Sovyet Rusya ile komşu olan devletler için, müstakil Kafkasya'nın büyük bir rolu vardır. Şarki Avrupa'da siyasi muvazene müstakıl bir Kafkasya'nın mevcudiyetine bağlıdır."

— Leh tatarlarının baş organı aylık „Tatat hayatı" (Życie tatarskie) mecmuası sonteşrin nushasında Misaka ayrı bir mekale tahsis etmiştir. Mekalenin bazi yerlerini aynen alıyoruz:

„Kafkasya'nın hakikî vaziyetini ve Kafkasya halklarının kendi istiklallerini elde etmek için giriştikleri savaş tarihini bilenler, Brükselde yapılan Misakın ehemmiyetini takdir de gecik miyecektir. Misakın imzası ile tahakkuk ettirilen Kafkasya Birliği, hürriyet yolunda yapılan uzun savaşa şu kati vecheyi veriyor: bundan sonra Kafkasya halkları hariçten gelen düşman kuvvete müteşekkil ve birleşik bir surette karşı koyacaklardır...

...Misakın gurbette imza edilişi ehemmiyet ve kıymetini hiçte azaltmıyor. Kafkasya muhacereti, kendi memleketini dahilî inkılab neticesinde terk etmiş bir muhaceret değildir. Bu muhaceret düşman ve yabancı bir kuvvetin Kafkasyayi istila altına alması neticesinde teşekkül etmiştir. Muhacereti sevk ve idare edecek mevkılerde, temsil ettikleri halkların tam itimadını kazanmış adamlar bulunuyor...

...Kafkasya Konfederasyon Misak'ının Kafkasya halklarının siyasî rüştünü gösterecek bir akt olduğunu söylersek yanılmış olmayiz. Binaenaleyh misakın ayrı ayrı Kafkasya halkları tarafından büyük bir sevincle karşılandığı mucibi hayret bir, şey değildir. Biz de bu misakı büyük bir sempati ve sevinc hissile kalben tebrik ediyoruz. Zira, kafkasyalı dostlarımızın ve dindaşlarımızın müstkbel mükadderatı ve şimdiki vaziyetleri bize yabancı değildir...

...Kurtuluş harbleri zamanlarında biz bu milletlerin mümessillerile karşılaşmış ve nolara karşı iyilik ve hürmet hisleri beslemiştik. Fakat hiristiyan ülkesinde yaşayan biz müslümanlari bu misak diger bir cihetten dahi sevindiriyar. O da şudur: misaki imza eden Kafkasya halkları ayni zamanda müslüman ve hıristiyan dünyası arasında dahi sembolik bir ittihad yapmışlardır. Zira, Şimalî Kafkasya ve Azerbaycan'dan başka Konfederasyona Gürcüler dahil olmuş Ermenistan da dahil olmalıdır"...

— Журнал „Wschód — Orient"— единственный в Польше „толстый журнал", всецело посвященный востоковедению, — помещает о Пакте следующую статью:

„14 июля т. г. в Брюсселе представителями трех кавказских республик: Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа подписан Пакт Кавказской Конфедерации.

Документ этот имеет двойное значение. С одной стороны, он подтверждает необходимость об'единения усилий всех кавказских народов в освободительной борьбе, а с другой стороны—как продукт этих об'единенных усилий—намечает контуры будущего независимого и конфедеративного кавказского государства и утверждает основы, на которых это государство должно покоиться.

Таким образом, заключенный в Брюсселе Пакт является не только документом, нормирующим взаимоотношения кавказских народов, но есть до некоторой степени и планом тактично-стратегичным, которым кавказские народы в своей борьбе должны руководствоваться.

Основной смысл этого плана заключается в концентрации усилий, в об'единении действий и воли в борьбе о вольность, дабы путем общих жертв, принесенных на алтарь свободы, достичь в будущем постоянного и тесного политического единства.

Каждый, кто ориентируется в кавказской действительности и знает историю освободительной борьбы кавказских народов, поймет значение заключенного в Брюсселе соглашения. Единство Кавказа, реализированное Пактом, вносит в долголетнюю борьбу Кавказа за независимость новый момент: отныне натиску захватнического аппарата многомиллионной России народы Кавказа противоставят концентрированный отпор. Момент этот несомненно усиливает силу сопротивляемости кавказских народов и будет способствовать конечному успеху проводимой ими борьбы.

Уже в 1841 г., когда международные условия отнюдь не благоприятствовали национально-освободительным стремлениям, когда угнетение сильными народами народов слабых считалось нормальным явлением в международной жизни, — Джемс Белл, один из политических эмиссаров Англии на Кавказе, нарисовал следующую схему разрешения кавказской проблемы: „Если Англия или какое-либо иное государство, писал он, противное разростанию России, решилось бы соорудить здесь (т. е. на Кавказе) действительную преграду, — на это потребовалось бы не много усилий. Достаточно было бы ему своим авторитетом об'единить кавказские народы, составляющие почти одно целое благодаря общности интересов, религии (кроме Грузии в отношении религии), традиций и нравов".

Об'единение, о котором писал Джемс Белл, достигнуто Пактом, подписанным в Брюсселе. Разница только в том, что это об'единение не является результатом внешних влияний, которые предвиделись Беллом. Оно зародилось внутри кавказской действительности, как натуральный и вполне созревший продукт кровавой кавказской истории.

То, что Пакт был подписан на чужбине, нисколько не уменьшает его значения. Кавказская эмиграция не является эмиграцией, которая покинула свой край вследствии внутренних потрясений. Она есть следствием насилия, совершенного над волей кавказских народов, вызвана оккупацией кавказских республик Советской Россией. На руководящих постах в эмиграции находятся люди, пользующиеся полным доверием представляемых ими народов. Они покинули свою родину, чтобы продолжать ту работу, ради которой они получили доверие своих соотечественников. Кавказские руководящие организации, подписавшие Пакт, — это фактически национальные правительства, хотя и вынужденные благодаря насилию покинуть свое отечество, но продолжающие сохранять как свой авторитет, так и руководящую роль среди масс. Поэтому то мы не ошибемся, если скажем, что Пакт Кавказской Конфедерации является точных отражением настроений кавказских масс, сегоднешней кавказской действительности—того положения, которое создалось, в процессе активной борьбы за вольность,—в горах, долинах и ущельях Кавказа.

В 1930 г. тогдашний глава т. н. Закавказской федерации, советский комиссар Элиава, положение на Кавказе, переживающем очередную волну повстанческого движения, характеризировал в следующих словах: „Оказывается,—говорят они (т. е. кавказские повстанцы) – нет различия между православными и грегорианами. Дошло дотого, что во главе тюркского повстания стоит армянский духовный, в некоторых районах армяне борятся под командованием тюркских руководителей, а в районе Шамхорском имам привел к присяге шиитов, суннитов, грегорьян и православных."

„Во главе тюркского повстания стоит армянский духовный", а „имам приводит к присяге шиитов, суннитов, грегорьян и православных"—вот положение, подтвержденное заключенным в Брюсселе Пактом.

Пакт Кавказской Конфедерации — это акт политической зрелости и мудрости кавказских народов. И он должен быть с радостью приветствуем всеми друзьями этих народов. Радостно должны его приветствовать и искренние сторонники мирного сожительства народов, т. к. независимый

и об'единенный Кавказ перестанет быть источником военных конфликтов и станет одним из важнейших факторов всеобщего равновесия." **Canhot.**

Деструктивная работа ж. „Кавказ" всречает должный отпор

В редакцию нашего журнала поступило следующее письмо:

21.XII.1934

35 B-d de la Tour-Maubourg
Paris 7

Милостивый Государь
Господин Редактор,

Очень прошу Вас не отказать поместить для сведения земляков в ближайшем номере Вашего уважаемого журнала прилагаемое письмо, адресованное мною Председателю Горского Национального об'единения в Париже.

С совершенным почтением
А. Хан Аварский.

*

21.XII.1834.

Господину Председателю
Горского Национального об'единения в Париже.

Господин Председатель!

Считаю своим долгом довести настоящим письмом до Вашего сведения о своем выходе из группы, возглавляемой Вами, выразителем идеологии и деятельности которой является журнал „Кавказ", — по нижеследующим мотивам: Вхождение мое в свое время в упомянутую группу обусловливалось моим желанием принять посильное участие в организации и ее работе в пользу национальных интересов горских народов, что считалось в начале всеми нами прямой и главной задачей нашего об'единения. К глубокому моему огорчению и разочарованию вскоре мне пришлось убедиться в противном, так как журнал „Кавказ" выявил себя в сущности фактором раздора среди нашей эмиграции. Так, вместо того, чтобы выполнять задачи национального органа, „Кавказ" предался исключительно нападкам против существующих активных Кавказских организаций. В изданных одинадцати номерах этого органа почти не говорится о большевиках,—прямых виновниках нашего национального несчастья и порабощения. В журнале совершенно не освещаются события, имеющие место после революции на нашей родине, в частности, борьба с—Советами в Дагестане, коей вынуждены были посвятить целые очерки даже сами большевики. Зато, в № 10—11 „Кавказа" приведены под известным текстом ряд вымышленных имен, якобы моих земляков—дагестанцев. Так ли проводится идея национального об'единения эмиграции, что исключительно и является залогом успешной деятельности искренних анти-большевиков! Рамки письма лишают меня возможности распространяться подробнее. Однако, вышеизложенное достаточно об'ясняет мой уход из состава об'единения.

Пользуясь случаем, прошу Вас, Господин Председатель, принять уверение в безусловном моем лично к Вам уважении и преданности.

А. Хан Аварский.

К этому письму г. Ахмет Хана Аварского считаем нужным добавить, что „Горское национальное об'единение в Париже" — это группа в 5 человек, цель которой имитировать „массы", об'единившиеся вокруг ж. „Кавказ." Сам редактор названного журнала—„претендент" на роль северо-кавкасского (может быть, и кавкасского!?) „il Duce" — в нее не входит. Он—„надпартиен" и является лишь „высоким покровителем" группы. В иных коментариях приводимое нами письмо едва-ли нуждается.

Не менее показательны и нижеследующие письма, заимствованные нами со страниц азербайджанского национального органа ж. „Куртулуш", (№ 2 — за декабрь 1934):*)

I

Глубокоуважаемый
господин редактор!

Прошу поместить мое нижеследующее письмо в очередном номере редактируемого Вами уважаемого журнала „Куртулуш."

В последнем номере ж. „Кавказ", который выходит на русском языке в Париже, помещено письмо Акпер Ага Шейх-уль-Ислам-заде. Оставляя в стороне политическую часть письма, должен заявить, что часть его, касающаяся состояния здоровья покойного отца, является совершенно вымышленной. Покойный до последнего момента свой жизни был в полном сознании воли.

С Акпер Агой, имеющим наглость заявить противное, покойный отец не встречался более 2½ лет.

Сообщая об этом общественности от имени всех членов семьи, непристойное выступление Акпер Ага передаю на суд общественного мнения.

От имени всех членов семьи покойного А. М. б. Топчибаши.

А. А. Топчибаши.

St. Cloud—12-12.34.

II

Многоуважаемый
Гайдар бек!

Посылаю Вам обратно журнал „Кавказ." Внимательно прочитала его; ничего, могущего меня заинтересовать, в нем я не нашла, кроме возмутительных выступлений, которые с моей точки зрения наносят вред общему кавказскому делу.

Помимо этого, у меня в доме растет молодежь, за чтением которой я очень слежу. Чтение „Кавказа" может только отрицательно повлиять на патриотические настроения душ.

Уважающая Вас
Л. Х. Асадуллаева.

Первое из них—письмо г. А. А. Топчибаши, старшего сына покойного Али

---

*) Письма приводятся в переводе с турецкого.

Мардан-бека,—прислано в редакцию журнала „Куртулуш". Письмо является ответом на недопустимую профанацию памяти покойного азербайджанского политика, допущенную на страницах ж. „Кавказ" г. А. А. Шейх-Уль-Ислам-заде.

Второе же — это копия письма, адресованного редактору ж. „Кавказ" г-жей Лейла-Ханум Асадуллаевой, известной азербайджанской общественной деятельницей.

И здесь содержание писем говорит за себя и не нуждается в коментариях.

Kitap ve mecmualar arasında
Среди книг и журналов

— Vilna da çıkan leh'ce „Slovo" gazetesinin bir müddet evel intişar eden bir nushasında Şimalî Kafkasya'dan bâhis büyük bir mekale dercedilmiştir. Mekalenin muharriri K ı r ı m l ı Y i g i t dir.

Ayni gazete, bir müddet evvel, Sovyet Rusyanın Milletler Cemiyetine kabulu dolayisile Kafkasya milletleri, Türküstan ve Ukrayna mümessilleri tarafından yapılan protesto mektubunun metnini dahi, aynile dercetmiştir.

— „La Nature" mecmuası 2937 numarali Eylûl nushasında N. Kazeyev'in „Types d'habitations rurales en Russie" başlıklı bir mekalesini dercetmiştir. Bu mekalede müellif Siberya ve Türküstanı dahil etmeden bütün Sovyetler ittihadı erazisini cografî ve iklimî şeraite göre üç köy mesken mıntakasına taksim ediyor. Müellif, Kırım ve Kafkasya'yi dağlık cenup mıntakası diye ayırdığı üçüncü grupa idhal ediyor. Müellifin Kafkasya ve Kırım, bilhassa Şimalî Kafkasya hakkındaki tasvirleri kısmı tenkide degmiyecek kadar saçmadır. Mesela, müellife göre, Şimalî Kafkasya aullarında evler ekseriyetle pencere ve kapısızdır ve bu evlerde möbilye namına hemen hemen hiç bir şey yoktur. Müellif tarafından mekaleye alınmış fotograflar dahi ayni derecede tarafgirane ve garazkâranedir. Müellif rus köylülerinin meskenlerini tasvir için köy zenginlerine ve kulaklarına ait evlerin resimlerini takdim ettiği halde „yabancılara" gelince her halde çobanlara mahsus yazlık meskenleri, köy halkının normal meskeni olarak takdim ediyor.

Kazeyev'in mekalesi baştan sonuna kadar Rusya mahkûmu milletleri avrupa karileri nazarında düşürmegi ve rus „medeniyetçilerinin" rolunu teşhir etmegi gaye edinen rus hakimiyetciliği zihniyetinin mahsulundan başka bir şey değildir.

— „Slavonische Rundschau" mecmuasının 6 ci nushasında maruf leh antropoloklarından Yan Çekanovski'nin „Zur Rassenkunde der Serbokroaten" başlıklı bir mekalesi intişar etmiştir. Şayani dikkat olan bu mekalede şu satırları okuyoruz:

„Arnavutlar, sırplardan ziyade daha eski illiriylerin bakıyeleridirler. Onlar, Romanın şiddetli tesiri altında kalmış ve slavlaşmış illiriylilerdir. Albanların arhaizmi o derece barizdir ki, bunları lî Kafkasya lezgilerinden ayird etmek imzdır. Bü mühim nokta, lezgi ve albanların tertibî taksimatını gösteren şu cetvelde pekâla göze çarpıyor...

Bundan sonra müellif cetveli takdim ediyor. Cetvelden anlaşıldığına göre armenoidal denilen tip en fazla lezği ne arnavutlar arasında (56,4% ve 51,5%) taammüm etmiştir. Ve nordik, akdeniz, laponaidal gibi antropolojik tiplere Şimalî Kafkasya ve Arnavutlukta hemen hemen ayni nisbette tesadüf ediliyor.

— „Sovyetler ittihadı ülûm akademisi yanın daki dil ve düşünce enistitosu" nun organı „Dil ve Düşünce" mecmuası (II ci kitab, 1934) Şimalî Kafkasya lisaniyatçılarından maruf profesor B. Abayti'nin, ülûm akademisi tarafından neşredilen V. F. Miller'in iki ciltlik „Osetince — rusca — almanca luğat" kitabı hakkındaki tenkidini neşretmiştir. Müellif diyorki:

„Ülûm Akademisinin 200 yıllıgı münasebetilediğer akademiklerin eserleri yanında V. Miller'in osetince luğatinin dahi neşrine karar verilmişti. Lugatin redaktorlugunu prof. Freyman üzerine almıştı. Bu satırları yazan dahi diger bir kaç talebe osetinle beraber işe celbedilmişti. Freymanla ilk iş arkadaşlığımızda redaktorun lisanı katiyen bilmediğini hayret ve telaşla ögrendik. Ona bu mesul işi teslim ederken Akademinin bu hasusta malumatı olub olmadığını bilmiyorum, lâkin Freymana gelince, o her halde bu ciheti iyi biliyordu. Her halde Freyman açık bir hesabda bulunmuş ve „lisanın canlı taşıyıcıları" tarafından kendisine „ham mal" verilecegini ve kendisinin de bu ham malı işleyecegini düşünmüştür (m ü s t e m l e k e s i y a s e t i n i n i l m e g e ç i r i l m i ş m a r u f p r e n s i p i. Bu kayid prof. Abayti'nin dir. yalniz göze çarpacak şekilde dizilişi bizimdir. A. K.). „Canlı taşıyıcılar" hakıkaten de bu daveti çok iyi karşıladılar". Şımalî Osetiya ve Cenubî — Osetiya ülkeçilik enistituları haklı olarak lugatın neşrini bütün Osetiya için büyük harsî bir iş zanederek tekmil kuvvetleri seferber hale getirdiler ve Freymana yardıma koştular. En iyi lisaniyatçılar işe sarıldılar. Materyal değil, her günde, her saatte artıyordu. Lugatın hacmi Millerin bıraktıgından iki üç defa fazlalaştı. Zenğin cümleperdazlık lisan materyalının kuruluğuna can verdi. „Ham mal" işte bu vaziyette bulunuyordu.

Ham mali „işlemek" meselesi daha berbatidi. Tab işinin yavaşlığı tahminin fevkindeidi. 200 yıllık jubile çoktan gelüb geçmişti, matbaa ancak eserin ilk cildini (3 cild olacak) zorla tabedebilmişti. Luğat bu güne kadar bile bitmiş değildir (iki sene bundan evvel 2 nci cildi intişar etmiştir — A. K). Bedbinlerin söylediğine bakılırsa, üçüncü cild tam Akademinin gelecek 300 yıllık jubilesinde ortaya çıkacaktır. Bu „parlak" sürati nasıl izah etmeli? Bizde, bu gibi hallerde derhal teknik müskûlatları ileri sürüyorlar. Halbuki, teknik müşkûlat işi ancak son zamanlarda tevekkufe ugratmağa başlamıştır. İlk yıllda başlıça kabahat, redaktorun bulunduğu nevi şahsına munhasır vaziyette idi. Bu „nevi şahsına munhasırllk" bu yıllar zarfında Freyman'ın ögrenme senelerinden yani onun ilk defa olarak luğattan osetinceyi ögrenmesinden ibaretti. Bu kabil bir vaziyet pek tabiî olarak işin süratle ilerileesini temin edemezdi. Bu vaz'iyet işin keyfiyeti üzerine dahi tesirsiz kalmamıştır. Frieyman V. Millerden ve diger mutahassıslardan ayrılarak kendi başına kaldığı yerde derhal karışıklık ve anlaşılamamazlık kendıni gösteriyor. Yapılan hataların hepsine temas etmek niyetinde olmadığım için, laelattayin, lisanı bilen her kesin takdir edebileceği lapsus' lardan bahsetmekle iktifa edeceğim.

Bu kaydi yaptıktan sonra prof. Abayti, aşaği yukarı 4 sayfalık bir yazıda „lapsus'lara" işaret ediyor ve tenkıdini şu sözlerle bitiriyor:

Bu işe epeyi uzun bir müddet ve emek sarfedilmesine ragmen, redaktor, değil yalnız akademik, âdi neşriyatta bile tahammül edilemiyecek kaba hatalar yapmıştır. Eskiden beri malûm bir hakıkat var: iddea ve gayret hiç bir zaman bilği noksanlığının yerini tutamaz. Bu hakıkat lugat işinde bir defa daha teeyyüt etti. Lugatın neşir destani henuz bitmiş değildir Bu işi büyük bir hayecanla karşılayan Osetin cemiyetini artık inkisari hayale ugratan cihet, luğatın son derece yavaş neşredilişidir. Yalnız bu değil, o, lugatta yeni neslin anlayamayacağı eski bir yazı tarzi kullanıldığı (şunuda kaydedelimki, Osetiyada „eski nesil" bile — bazileri müstesna — rus alfabesi üzerine müesses „misyonerce" bu yazı tarzı ile aşina değildi. A. K.), ve Akademi, V. Miller isimlerini taşıyan bir eserde yapılması caiz olmıyan bir çok hatalar yapıldığı için dahi inkisari hayale uğramıştır.

Bütün bunlara ragmen Osetiya cemiyeti luğatın ücüncü cildinin intişarını sabırsızlıkla beklemektedir. Nasıl olursa olsun luğat tekmil alfabeyi ihtiva etmelidir. Aksi takdirde kıymeti hiçe inmiş olur. Her halde eserin ikmali için, on sene bundan evvele nazaran daha fazla hazırlıklı olan Freyman'a imkân verilmelidir. Oldukca uzamış olan bu işi sonuna vardırmak, ülûm Akademisi, Osetiya harsî kuruluşu ve alelumum İraniyatcılık, lisaniyatçılığın menafii icabındandır".

Buna, prof. Abayti'nin söylemediği bir şeyi ilave edelim: sovyet şeraiti içerisinde her iyi bir teşebbüs bilahere çok gülüne ve rezil bir şekil almakta gecikmiyor.

— Fr. Pospişil: „Etnologické materialie z jihozapadu U. S. A." (Fr Pospişil: „Şimalî Amerika'nın cenubi — garbî kısmına ait etnografik materyallar". İlk nazarda kitabın unvanı mecmuamızın karakteri haricinde gözüküyorsada, dikkat edilince bizi dahi alakadar ettiği görülür.

Kafkasya etnografisi, bilhassa Kafkasya'nın maddî medeniyeti ile alakadar olanlar, bu kitabda antropo-cografî şerait'n milletlerin yaşayiş tarzlarının şekilleşmesi üzerindeki tesirine bu hayatın tabiî şeraitle tam bir ahenk teşkil ettığini, hatta bunun her yer için tatbik edilecek bir kaide olduğunu göreceklerdir.

Mesela, müellif tarafından tasvir edilen Şimalî Amerikanın cenubî — garbi indi kavimlarının mimarisi ile Şimalî Kafkasya'nın şark kısmı (Dagıstan) mimarisi arasında tam bir benzeyiş vardır. Hiç şüphesiz gerek orada ve gerekse burada ayni tabiî şerait, ilk sırada inşaata lazım tahtanın mevcut olmaması rol oynamıştır.

Bundan başka, müellif, indilerin menşeine temas ederek ve ilk defa olmak üzre indi antropolojik tipinde mogol, türk elemanlarının mevcudiyetini kaydediyor. Bu cihet, hiç şüphesiz bizim dost ve komşu türkleri ve Şimalî Kafkasyada mühim bir mıktarda türk elemanlarına malik bizleri dahi alakadar edecek cihettir.

Kitabın müellifi prof. dr. Fr. Pospişil Çekoslovakiya'nın Brno şehrinde Morav etnografi müzesinin müdürü dir ve bilhassa etnografi mes'eleleri ile ugraşmaktadır. Brno daki az mıktarda Kafkasya kolonisi bu ilim adamının Kafkasya etnografisi ile dahi alakadar olduğunu müteaddit defaler görmüşlerdir. Pospişil, bir çok milletlere ait halk danslarını gösteren bir filim yapmış ve bu meyanda Kafkasya danslarına da yer vermiştir. Londra etnograf cemiyeti reisi A. R. Wriht bu filim hakkında şunlarıı yazmıştı: „Dr. Pospişil kendi filmi için Avrupa halk danslarının en iyilerini intihab etmiş ve bunlara Kafkasya'dan İspanya ya kadar toplamış olduğu dans nümunelerini dahi ilave etmiştir".

— **East Carelia a Survey of the Country and its Population and a Review of the Carelian Question.** Publischer Akateminen Karjala-Seura (A.C.L.), Helsinku, 1934 — стр. 216.

Книга эта, богато иллюстрированная фотографиями, статистическими данными и прекрасной картой, посвящена Восточной Карелии — искони финской земле, население которой борется за свое освобождение в рядах иных угнетаемых Россией народов. Книга всесторонне освещает восточно-карельский вопрос, касаясь последовательно географии страны, демографических данных, истории, современного положения и заканчиваясь общими выводами. Богатое содержание делает ее настольной книгой для всех тех, кому не чужды судьбы Восточной Карелии и кто вообще интересуется национальными движениями в пределах СССР. Вместе с этим, она является украшением всякой библиотеки, т. к. внешний вид ее безупречен. Приходиться сожалеть, что не все национальные организации борющихся с Россией народов располагают подобными изданиями.

— **„L'U.R.S.S. à Genève"** par Jean Martin, Directeur et Pierre-E. Briquet, Redacteur de la politique étranger au „Journal de Genève", Genève, 1934 — стр. 118.

Авторами этой книги являются шеф-редактор известной швейцарской газеты „Журналь-де-Женев" — Ж а н М а р т э н и редактор отдела заграничной политики той-же газеты П.-Е. Б р и к э. Книгу составляют статьи, которые были печатаемы в газете в период перед принятием СССР в Лигу Наций и во время самой процедуры принятия на XV сессии Лиги. Как известно, все это время „Ж. де Ж." и его сотрудники вели самоотверженную борьбу против принятия, неоднократно затрагивая при этом и проблему национальностей в СССР. Между прочим, в книге помещен полный текст протеста, который был переслан в Лигу Наций, в связи с принятием СССР, представителями Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Туркестана и Украины.

— **„Wschód-Orient" N 2—3—4 (14—15—16), czerwiec—grudzień 1934.**

Недавно вышел из печати очередной номер (за июнь—декабрь 1934), известного нашим читателям по предыдущим рецензиям, польского востоковедческого журнала „W s h ó d" („Восток"). Номер, как всегда, содержателен и интересен. Во главе его идет статья Е в г е н и я В и ш н е в с к о г о под заглавием „С у щ н о с т ь п о л ь с к о й д е р ж а в н о с т и" („Istota mocarstwowości polskiej). Затем, статья редактора журнала В. Б о н ч к о в с к о г о — „В о с т о к и П о л ь ш а" („Wschód a Polska"), Е. М а л а н ю к а — "Тайна Гоголя" — („Tajemnica Hohola"), В. Пельца — „Манджу-Го" и др. В отделе „Политической хроники Востока" журнал содержит статью, посвященную Пакту Кавказской Конфедерации*), текст самого Пакта и отзывы о Пакте различных органов печати. Кроме этого, в номере имеется богатый отдел коррреспонденций с мест, среди которых особенно интересной для нас является

*) Статья эта полностью приводится в настоящем номере нашего журнала в отделе „Печать по поводу подписания Пакта" — редакция.

корреспонденция о „Черкесской колонии в Египте", написанная Рашидом Рустемом, известным среди нашей старой эмиграции в Египте общественным деятелем. Имеется в журнале и литературный отдел, отдел рецензий и т.п. Номер содержит 224 страницы.

Адиль-Бек Кулатти.

Sovyetler ittihadındaki milletler mes'elesi ve Alman matbuatı

Kendi dahili ve haricî mes'elelerile fazla meşgul olmasına bakmıyarak Alman matbuatı, diger devletlerin, bilhassa Sovyetler İttihadı'nın mes'elerine dahi mühim yer ayırmaktadır. Sovyetler İttihadından bahsederken yalnız bolşevizmin umumî mes'elelerine değil, ekseriyetle Sovyetlerdeki milliyet mes'elesine dahi temes etmekte ve bu milletlerin ileride Sovyetler İttihadı mükadderatı üzerinde oynayacakları mühim ve büyük roldah dahi bahsetmektedir.

Mesela geçenlerde, Sovyetler İttihadının Milletler Cemiyetine kabulu mevzuu bahs edilirken tekmil alman matbuatı karilerinin nazari dikkatını Sovyetler İttihadına dahil milletlerin elim vaziyetine celbetmişti.

Berlinde Gürcü matbuat bürosu reisi N. İmnaişvili'nin maruf ilmî—siyasî mecmualardan „Zeitschrift für Geopolitik" mecmuasında çıkan „Sovyetler İttihadında milletler mes'elesi"*) başlıklı mekalesi, gene ayni muharririn „Deutsche Allgemeine Zeitung" gazetesinde (23-IX) intişar eden diger mekalesi alman matbuatının dıkkatını celbetmekten geri kalmamıştı. Mesela, Berlinin muteber gazetelerinden „Germania" gazetesi 4 ilkteşrin tarihli nushasında „Rusya dedikleri" unvani altında ve E. R. imzasile (Şef redaktor Emil Ritter'in imzası) neşrettiği bir başmekalede yukarıda ismi geçen İmnaişvili'nin („Zeitschrift für Geopolitik") mekalesini, fin alimlerinden Karl Tiander'in „Şarkî Avrupa'nın uyanışı" nam kitabile mukayese yapıyor ve şu neticeye varıyor:

„Bize göre, milleti, alman askerî kıtaatı ile el ele vererek Sovyet İttihadının temelini atanlara karşı savaş yapmak mecburiyetinde kalan Tiander, ayni ittihadın diger milletlerinin bugünkü vaziyetine oldukca nikbin bir nazarla bakıyor.

Maverayi Kafkasyalı N. İmniaşvili, „Geopolitik" in Eylûl nushasına Sovyetler İttihadında milletler mes'elesine dair yaşmış olduğu mekalesinde her halde Sovyetler için hiç te iyi olmıyacak saglam muhakemelerde bulunuyor ve ikna edici deliller zikrediyor".

Bunu müteakib başmekale muharrili İmniaşvilinin mekalesi üzerinde tevekkuf ederek onu kuvvetle mudafaa ediyor, delillerini teyit ile karilerinin nazari dikkatini „Rusya dedikleri" milletlerin hakli davasına celbediyor.

Sonra, Azerbaycan millî hareketi organı „İstiklâl" gazetesi muharrirlerinden Hilal Münşi'nin „Der Deutsche" (23-IX) gazetesinde çıkan „Azerbaycan ve Gürcüstanda Sovyet hakimiyeti" başlıklı mekalesini dahi kaydetmek lazımdır. „Der Deutsche" nin bu mekaleye yazdığı mukaddeme dahi Kafkasya halklarının olduğu gibi, Rusyadan kurtulmak isteyen diger milletlerin kurtuluş hareketine karşı büyük bir sempati hissile doludur.

Bundan başka, Gürcü isyanının 10 yıllığı dolayisile, Berlinde çıkan „Märkische Volkszeitung" (2-IX), ve almanyanın büyük katolik gazetelerinden „Kölnische Volkszeitung" (7-IX) gazetelerinde dahi mekaleler çıkmıştır.

İşmi geçen tekmil mekalelerde Kafkasya milletlerinin birlik olduklarına işaret edilmiş ve Kafkasya Konfederasyon Misakının imza edildiği kaydedilmiştir.

*) Bu mekale ve bunu müteakib Hilal Münşi bey'in mekalesi hakkında evelki nushamızda işarette bulunmuştuk. İdare

Küçük haberler — Хроника

СРЕДИ ЭМИГРАЦИИ

СОБРАНИЕ В ПАМЯТЬ АЛИ МАРДАН БЕКА ТОПЧИБАШИ

24 ноября в Париже в зале „Алианс-Франсэз" состоялось очередное собрание местной Грузинской колонии, на котором председатель колонии г. Шалва Абдушели посвятил памяти недавно скончавшегося Али Мардан Бека Топчибаши обширное слово. Слово это с незначительными сокращениями приводится нами ниже:

Господа,

В промежутке двух наших заседаний скончался бывший председатель Азербайджанского Парламента и председатель Делегации Азербайджанской Республики, известный и популярный общественный и политический деятель Али-Мардан-бек Топчибаши.

Происходя из старой и весьма почтенной фамилии, предки которого занимали почетные посты еще при грузинских царях, покойный Али-Мардан-бек родился в Тифлисе и учился в первой гимназии, в которой состоял одно время библиотекарем. Туда же он вернулся после окончания Петербургского университета, здесь же провел первые годы своей общественно-политической деятельности. С малых лет вращаясь в грузинской среде и имея все время товарищей грузин, молодой Али-Мардан-бек сжился, свыкся с нашей культурой, проникся ею и понимал нашу страну. Тифлис же он считал своей родиной, а грузин своими братьями.

Слова—Азербайджан, Грузия, Кавказ—не сходили с его уст, он бредил ими, он жил ими. Освобождение Кавказа и его об'единение было его мечтой, его идеалом.

Будучи ли редактором большой и распространенной газеты „Каспий", членом ли Государственной думы, председателем Парламента или председателем Делегации Азербайджана, покойный всегда боролся против чужеземных захватчиков, проповедывал единство и общность интересов всех без исключения народов, населяющих Кавказ, ратовал за их сближение и об'единение.

На ряду с блестящим ораторским искусством и недюжинным талантом публициста, покойный обладал на редкость большим тактом и умел не только уважать, но и заставлял себя уважать.

Благодаря счастливому сочетанию столь ред-

ких качеств, покойный успевал многое. Его любили свои и уважали чужие. Во всем мусульманском мире, не только Кавказа, но и на территории бывшей Российской империи, он был признан вождем мусульман.

У нас в Грузии имя Али-Мардан-бека стало особенно известно после его незабвенной речи, произнесенной им на похоронах нашего любимого поэта Акакия Церетели (8-го фев. 1915 г. в Тифлисе), куда он приехал из Баку во главе внушительной азербайджанской делегации. В этой речи покойный Али-Мардан-бек со свойственным ему талантливостью и ораторским красноречием развернул свою будущую программу сближения и об'единения двух братских народов — грузин и азербайджанцев. Речь, произнесенная с большим пафосом и умением, произвела исключительное впечатление. Она как бомба разорвалась над головами тех, которые меньше всего хотели такой дружбы и такого об'единения. Слова, сказанные оратором, облетели всю Грузию и вызвали в народе настоящий энтузиазм.

Вечером азербайджанская делегация была приглашена на банкет общественных деятелей Грузии у предводителя дворянства кн. К. Абхази.

Здесь Нико Николадзе провозгласил собравшихся штабом общего действия для той армии, которая дефилировала днем.

Здесь на этом банкете было положено начало тесной дружбы двух народов, а участнику и виновнику этого союза покойному Али-Мардан-беку пришлось тайком пробираться к себе в Баку, так как власти пожелали лишить его свободы.

Покойный пережил одно поколение наших общественных деятелей, но связался с другим, разделив с ним как радость свободы и независимости, так и несчастия и невзгоды изгнания.

На чужбине, вдали от родины, в изгнании и в несчастии мне выпала большая честь быть близко к этому большому человеку. Больше десяти лет я видел его нужду, затруднения, был свидетелем его большого семейного горя, когда он потерял своего лучшего и любимого сына Рашида, но ни разу не видел его подавленным, растерянным и удрученным. Он оставался всегда ровным, спокойным, философски стойко перенося свою горькую участь эмигранта.

Удивительно чуткий отец и прекрасный семьянин, Али-Мардан-бек уделял много внимания воспитанию своих детей и особенно внучек, любил их нежно и старался привить им язык и национальную культуру.

Дружбой наших семейств он очень дорожил, придавая этому символическое значение дружбы наших двух братских народов. Особенно трогала его дружба наших детей, нашего будущего поколения.

Наши встречи и разговоры всегда начинались и кончались кавкасской проблемой и необходимостью единения и дружбы всех народов, населяющих Кавказ, и в первую очередь Грузии и Азербайджана.

Воспоминания покойного о Кавказе, о Грузии и об Азербайджане всегда были очень ценны и интересны.

Потеря Али-Мардан-бека в то время, когда Кавказский вопрос все больше и больше становится актуальным, прямо таки невознаградима. Жаль, что человек, так много сделавший для дела сближения, об'единения и освобождения Кавказа, ушел от нас, не дождавшись осуществления своих дорогих идеалов.

Умер Али-Мардан-бек, но живет и развивается его дело освобождения Кавказа.

Пройдут поколения, подуют другие ветры, разгонят они тучи черные над нашими горными вершинами и тогда солнце красное вновь возсияет над свободным Кавказом, оно заглянет в горные аулы, согреет наши сакли, зашевелятся свободные народы, и словом добрым вспомянут тех, кто работал для них, кто боролся за них.

А покойному Али-Мардан-беку бесспорно принадлежит первое место среди первых борцов, ибо он был самым большим кавказцем.

Прошу почтить вставанием память великого Кавказца. (Все встают).

СМЕРТЬ ГОРЯНКИ

В середине декабря т. г. в Париже скончалась молодая горянка Е. Зураева, урожденная Бурнацева. На похоронах присутствовала вся осетинская колония и многие иные горцы, проживающие в Париже. Мать старушка, похоронившая в Париже мужа и нескольких взрослых детей, глубоко потрясена смертью дочери.

ВЕСТИ С КАВКАЗА

КАРТИНЫ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ

— О том, как советский бюрократизм отражается на качестве школьной работы, повествует нам тифлисская „Заря Востока". Речь идет о тюркских учебниках для высших школ в Азербайджане. „Обладающий мощной полиграфической базой Азернешр — пишет газета — с 1933 года приступил к изданию по заявкам вузов и втузов капитальных учебников на тюркском языке. Он издал целый ряд учебников для Азербайджанского сельско-хозяйственного института, Высшей сельско-хозяйственной школы Азербайджана, Азербайджанского нефтяного института и т. д." Но, оказывается, благое начинание высших школ не дало ожидаемого результата, т. к. советское правительство не снабдило их... средствами для выкупа заказанных учебников. В конечном итоге — „на полках Азернешра лежат без движения важнейшие учебники", а „студенты-тюрки вынуждены проходит занятия „на слух", без учебников, в лучшем случае пользоваться суррогатами — стеклографическими записями лекций, представляющими грязные, неряшливые оттиски сомнительных переводов."

— Качественный состав преподавательского персонала описывает нам „Гроз. раб." Вот что пишет газета о преподавателях Асланбековского сельхозтехникума в Чечне:

„В асланбековском сельхозтехникуме на третьем и четвертом курсах зоотехнического отделения преподавание дисциплин ведется педагогами Марковым и Хачатуровой.

Как правило, чтение лекций производится по конспектам, при чем материал подается настолько сухо, что учащиеся, прослушав такие лекции, вместо точных, ясных и полноценных знаний, получают весьма смутные представления о проблеме животноводства.

На-днях на уроке преподаватель Марков, „зачитав" свою очередную лекцию о разведении крупного рогатого скота, не сумел ответить студентам на их вопросы. Для того, чтобы выйти из неловкого положения, педагог предложил самой аудитории отыскать причины заинтересовавшего ее явления.

Речь шла о телятах-двойниках. В поисках истны учащиеся строили самые несуразные предположения, вроде „двойники (близнецы) родятся от сильного сотрясения яйцеклетки" или „от ненормального развития". И когда один из студентов неуверенно выразил мысль, что рождение близнецов (двойники), повидимому, нужно отнести за счет одновременного оплодотворения двух яйцеклеток, Марков обрадованно подхватил — нуда, так оно и есть.

Затем Марков что-то рассказывает студентам о „росте животных в глубину"(?). Аудитория сильно заинтересована. Задают вопросы — а что это за штука — рост в глубину? Педагог растерянно „поясняет". Это, знаете-ли... просто... рост в глубину...

Студенты, не удовлетворенные ответом, докапываются о происхождении загадочного роста „в глубину". Они заявляют педагогу, что корова все таки животное и никак не растет в глубину. Марков растерянно бормочет „мы... мы потом будем это проходить подробнее. Тогда и выясним".

На уроке „механизация в сельском хозяйстве"—преподаватель на вопрос учащихся—откуда поступает вода в автоматические поилки для скота, ответил буквально следующее: „вероятно вот по этой трубке", и предлагая вниманию студентов схему механизма, советует им самим хорошенько розобраться в устройстве автопоилки. Но тут горе - педагогу задают каверзный вопрос: „А как же корова пользуется авто-поилкой, ведь животное само не сможет привести в действие механизм?"

Следует наивный, нелепый ответ: „О, корова еще лучше человека привыкает пользоваться аппаратом..."

Педагог Хачатурова поступает проще, чем ее коллега. Она на уроках вместо чтения лекций „о кормах и кормлении животных" берет диаграммы и таблицы и диктует их содержание, забывая о том, что у каждого студента имеются такие же таблицы.

Но студенты, как на грех, народ любознательный, каждый раз они засыпают Хачатурову вопросами. Тогда она обращается к аудитории с просьбой: „Сходите к ветврачу, он вам об'яснит все лучше меня."

Так, день за днем, „грызут" гранит науки в асланбековском сельхозтехникуме. Дирекция, зная о скверном преподавании дисциплин горе-педагогами Марковым и Хачатуровой, мер никаких не принимает, чтобы улучшить качество учебы студентов."

— Наконец, еще одна картина, на этот раз из жизни нисшей школы (в ауле Курчалой), описанная неким М. Лешовым также в „Грозн. раб."

„В двенадцать часов дня—пишет Лешов—в курчалоевской школе должны начинаться занятия второй(!) смены. Уже без четверти час, а в классе еще нет учителя.

— Какой урок должен быть у вас по расписанию?

— Не знаем. Заведующий говорил, что будет русский язык.

В класс вошла учительница Старичкова и мы поднялись уходить, чтобы не сорвать урок. Учительница возразила:

— Можете беседовать.

— А как же урок?

— Видите ли, я приехала для работы в этой школе всего два дня назад, притом, у меня нет учебников, нет программ по русскому языку и за эти два дня я не могу узнать, что прошли ученники по русскому якыку, что и как они усвоили.

С разрешения учительницы Старичковой мы продолжали беседу с учениками и учительницей.

— Звонка в школе нет?

— Нет.

— А как же вы без звонков работаете?

— А мы так начинаем занятия—отвечают хором ученники, — скажет учитель „заходите" и мы заходим. Скажет „перерыв"—и мы выходим.

У учительницы тоже часов не оказалось. Значит, урок длится неизвестно сколько минут, может быть больше положенного времени, может меньше. Скорей всего меньше, ибо лени, расхлябанности среди педагогического персонала школы—очень много"...

Виноватым во всех безобразиях в работе школы в Курчалое, по старому русскому обыкновению, оказывается, конечно, „стрелочник". Таковым является Вагабов Саид — заведующий школой, которого Лешов представляет, как „сына аульного муллы, расстрелянного за контрреволюционную деятельность". „Неудивительно поэтому, — добавляет Лешов—что школа безобразно подготовилась к учебному году, что в самой учебе есть много крупных недочетов."

Однако, дело обстоит не так просто, и школьное дело хромает не только там, где им руководят „сыновья аульных мулл". Школьное дело хромает не только в Курчалое—это явление повсеместное во всей Чечне и во всех т. н. национальных районах СССР. „Грандиозное культурное строительство национальных окраин" — это блеф, типичный для советского правительства пропагандистический трюк. На самом же деле школьное дело, в особенности постановка его в нисших школах, на „окраинах"—ниже всякой критики. Для иллюстрации процитируем несколько выдержек из статьи „О начальных школах Чечено-Ингушетии", которая помещена была в одном из ноябрьских номеров все того-же „Грозн раб.". Итак:

„Несмотря на целый ряд указаний районным организациям со стороны облОНО — (и здесь, как и всюду, виноват „стрелочник") постановка школьной работы во многих районах далеко неудовлетворительна. В некоторых районах имеют место вопиющие безобразия, — при чем смотрят на это районные организации сквозь пальцы...

...Нужно сказать, что со снабжением учителей дело обстоит из рук вон плохо. Учителя, например, не получали уже два месяца сахара. Не получают муку на иждивенцев, так как в списки учителей включены многие ответработники райОНО, которые и забирают паек иждивенцев учителей.

По сводкам райОНО все дети охвачены школами и посещаемость хорошая. Этим сводкам нельзя довериться. На самом деле процент посещаемости равен 40 и даже ниже.

Большой процент непосещения школ падает на больных учащихся. На почве антисанитарии в школах много детей болеет чесоткой и малярией Райздравотдел знает, что в школах много больных детей, но мер абсолютно никаких не принимает...

...Урус-Мартановский район один из самых отстающих районов в области по подготовке и постановке работы в школах.

Охваченных школой детей должно быть 8 тысяч человек. Это по плану. На самом же деле охвачено только 5271. А посещаемость превышает еле 50 процентов даже из этого количества.

В Урус-Мартановском районе, также как и в Гудермесском, подготовкой к новому учебному году мало занимались, если не сказать большего. В районе ни одна школа не имела годо-

вого плана работы. Этим определяется весь ход подготовки и учебы в школах. Даже образцовая школа в самом Урус-Мартане работает без плана, занятия ведутся беспланово.

Методического инструктажа и помощи учителю, снабжения его методическими пособиями нет и в помине. Отсюда методическая беспомощность и даже безграмотность учителей...

...Вместе с методической подготовкой учителя, хромает и политическая подготовка. Иллюстрацией может служит следующий факт. Зав. школой сел. Кошкельды—Шапиеву был задан вопрос — кто такой Бубнов. Шапиев не ответил, а на вопрос — кто такой Сталин— Шапиев сказал, что это заведующий всеми школами СССР... (вот тебе и „великий Сталин"!)

В селениях: Алхан-Кала, Закан-юрт и Валерик из-за полного отсутствия снабжения все русские учителя побросали работу и уехали. Создалось угрожающее положение с преподавателями русского языка. Не менее катастрофично положение и с русскими учебниками, которые требуются для 4—5 классов. Их в школах нет совсем... („саботаж" русского языка?!)

...Плохое положение со школами и в Надтеречном районе. Ремонт школьных зданий не отвечает требованиям Наркомпроса.

Школы не остеклены и заниматься в них изза холода невозможно. Не хватает 175 парт. На одной парте сидят по нескольку человек учащихся.

Укомплектование школ проведено формально. Во 2 и 3 классах некоторые ученики не могут ни читать, ни писать.

Школа совхоза № 8 не имеет ни одного учебника. Нет учителей в школах совхоза №—4, 9 и 10. Школы закрыты. Учебнонаглядными пособиями школы не обеспечены и как люди занимаются — „одному Аллаху известно". Надтеречный райОНО, если он об этом и знает, то относится ко всему более чем спокойно"... и т. д., и т. д.

И, наконец, в конце совсем „пикантное" признание:

„Наряду с безобразной работой большинства школ, нужно указать и на школы, которые можно привести в пример остальным", —говорит газета и в числе этих „примерных школ" приводит школу в... ауле Курчалой, которой заведует Саид Вагабов — „сын аульского муллы, расстрелянного за контрреволюционную деятельность". В статье мы читаем: „Зав. школой в сел. Курчалой — Вагабов, за хорошую постановку работы был премирован".

Это признание, напечатанное, между прочим, уже после первого отзыва о Вагабове, лишний раз подтверждает, что виновными в так характерных для советской действительности безобразиях на т. н. национальных окраинах являются не „сыновья аульских мулл", а гнилой, навязанный силой этим окраинам, советский режим. Имея в местном аппарате управления всего 12·5% своих представителей, занимающих к тому преимущественно нисшие должности (см. в прошлом номере цифры, приводимые Горчхановым), нельзя влиять на ход местной жизни, ни, тем более, нести за нее ответственность. (ч.)

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— По сообщениям советских газет, наистарший человек на Кавказе, Хапара Киут-ипа, фотография которого была помещена в прошлом номере нашего журнала скончался в 20-тых числах сего декабря. Смерть его последовала после того, как члены Всесоюзного института экспериментальной медицины „изучали" на нем случаи долголетия человеческой жизни.

— 27 декабря с. г. в Шамиль-Кала открылся „Х-тый с'езд советов Дагестана". „Известия" от 28 XII по этому поводу сообщают:" На с'езд приехало свыше 300 делегатов представителей 32(!?) коренных народностей „страны гор." Среди них— знатный человек горного животноводства чабан Гульахмед, старик 105 лет, имеющий 80 лет производственного стажа, поэт Сулейман Стальский, прозванный Максимом Горьким на всесоюзном с'езде писателей „Гомером XX века", Джемалэдин Данбов—председатель передового Сталинаульского колхоза, Машатов—делегат каякентского сельсовета, где электрифицировано 500 саклей и проведен водопровод, и много других"...

— На золотых приисках по реке Схагуаше (Белой) в Майкопском районе обнаружены остатки двух старых золотолитейных заводов, свидетельствующих о том, что местное адыгейское население давно знало о присутствие здесь золота и промышленно это золото добывало. Там же найдено золото в слитках.

— 12 декабря в Тифлисе в помещении Картинной галлереи союза художников Грузии была открыта выставка картин северо-кавкасского художника Махарбека Туганти. На выставке представлено до 100 живописных работ и 150 графических. Творчество М. Туганти до революции носило сугубо национальный характер. В последнее время он проживает в Южной Осетии (в Цхинвале), где заведует Областной школой изобразительного искусства.

— Бюро краеведения в Грузии преобразовано в Краеведческое общество Грузии. Председателем совета и президиума избран „товарищ" Ф. Махарадзе, заместителями — проф. Г. Нуцубидзе, директор музея Грузии Г. Миротадзе и заведующий культсектором госплана Грузии М. Гавашели. Ученым секретарем избран доцент С. Макалатия.

— Азербайджанский медицинский институт подготовил к печати на тюркском языке ряд научно-исследовательских работ молодых ученых института: Татевосяна, Атаева, Агабекова, Шахтинской, Эфенди-заде и др. Готовятся к печати и следующие учебники: доцента Казиева — „Туберкулез", доц. Мусабековой — „Глазные болезни", доц. Хусейн-заде — „Болезни уха, горла и носа", доц. Мелик-заде — „Нервные болезни".

— В районе Джагина в Южной Осетии обнаружены, помимо месторождений свинца и цинка, месторождение золота (до 4.1 гр. на тонну). Тамже в районе Раро обнаружены месторождения медной руды, а около аула Цона месторождения угля. Запас последних превышает 15 мил. тонн. В 1935 году должна быть начата разработка свинцово-цинковых месторождений около аула Кудар. Здесь приступлено к постройке рудника и флотационной фабрики.

— „Заря Востока" торжественно сообщает, что в Тифлис прибыло 12 (двенадцать!) такси — первые такси, которые появятся в столице оккупированной Грузии при советской власти. Такси начнут курсировать с 19 декабря и будут работать с 8 час. утра до 1 часу ночи. В будущем году количество такси будет удвоено- хвастливо заявляет газета.

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUĞAN Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Odyńca 35, Warszawa, Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

P. Szwede Warszawa 9.